

10:55 AM

10:55

23%

Андрей Орлов

ИГРА
БЕЗ НАДЕЖДЫ

18+

Андрей Орлов

Игра без надежды

<https://litres.ru/73419494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он просто хотел стать самостоятельной. Хотел доказать, что отец может им гордиться.

Но Сергей никак не мог представить, что работа курьером может быть настолько абсурдна и... опасна!

Мир вокруг него меняется стремительней, чем он может это осознать.

Сломается ли он? Смирится с судьбой, станет подстраиваться?

А может, он станет тем самым камнем, на который найдёт коса?

Содержание

Вступление	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	74
Глава 7	89
Глава 8	103
Глава 9	121
Глава 10	147
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Андрей Орлов

Игра без надежды

Вступление

Сегодня я проснулся раньше будильника. Посмотрел на часы: было без десяти минут шесть.

— Не «без десяти» мне тут, — погрозил пальцем потягивающемуся коту, — только вякни.

Скатившись с отлежавшего мне руку дивана на холодный, совсем не приветливый пол, проверил, с какой ноги встал. Левая.

— Блин, — я начал себя жалеть.

Пока умывался, зазвонил телефон.

— Доброе утро! — изобразив бодрость, ответил в трубку.

— Доброе утро, Сергей, вы сегодня будете вовремя? — спросил ночной логист.

Имя его я не знал, да и бессмысленно запоминать, так как текучка у них — изо всех щелей.

— Да, конечно, ровно в семь утра буду на базе.

— Спасибо, до свидания, — раздались короткие гудки.

— Иди к чёрту, — я тоже попрощался.

Пока запивал завтрак сладким чаем, пролистал рабочий чат — ничего интересного. Пара отказов заказа, фото ути-

лизации отказного товара, нашедшего себя в мусорном ведре. Какая ирония.

Я работаю на своей машине. Старенький Logan надёжен и прост. «Жигули» на максималках.

Добравшись до базы, оценил обстановку: ночные курьеры уже сдались, и парковка пуста. Не очень весело. Сегодня суббота, через час-два люди начнут просыпаться и похмеляться. Накручу километраж, но хоть минималку закрою.

Я поднялся на базу, она же «производство».

Тут всегда странные запахи: то маняще сладкие, то удручающе кислые, то вперемешку. Открыл приложение, нажал на иконку «начать смену», сел на металлический стул, подложив под себя картонку, и принялся смотреть короткие видео на телефоне. Первый заказ просигналил минут через двадцать.

— О, двушечка, — удовлетворённо кивнул.

Подтвердил принятие, забрал их из ячеек, номер которых совпал с номерами, указанными в приложении.

Скопировал адрес: «Маршрут построен», — сообщил мне навигатор голосом известной поп-певицы Вали Тузовой.

— Привет, Валечка, сегодня мы снова вместе, — поприветствовал я её.

Напару с Валеёй мы направились по первому адресу.

Получатель — некая Марина. Может, чаевые получу? Хороший знак — получить чаевые с первого заказа!

Но, вспомнив, с какой ноги встал сегодня, только досадно

цокнул языком и порулил дальше.

Подъезд третий, этаж восьмой. Лифт работает — супер! Звонок в дверь. За дверью раздался топот, открыла миловидная барышня, вся зареванная, она нервно теребила носовой платок.

— Ну где же вас носит! Я уже заждалась! Давайте быстрее!

Я вежливо поздоровался, расстегнул фирменную сумку чёрно-белого цвета, рисунок стилизован под инь-ян. На мой взгляд, выглядел он смешно.

Оплата через приложение, поэтому можно отдать заказ сразу.

Протянул ей картонную коробочку, облачённую в обычный целлофановый пакет типа «майка» с таким же логотипом, что и на сумке.

— Ваш заказ! Хорошего вам настроения!

Не рука, а атакующая змея метнулась к пакету, выхватила, а другая, так же стремительно, закрыла передо мной дверь.

Жаль бедняжку, но теперь ей станет лучше. А я вам ещё не сказал, что мы развозим? Вы удивитесь, но мы везём настроение.

Да, именно его. Кому весёлое, а кому и наоборот. Бывают вообще тяжёлые случаи. Один раз я привозил суицидальное настроение одному художнику.

Мне не интересно, что с ними будет потом. Клиентов хватает, а для меня это просто работа.

Так, кто следующий? Знакомый адрес, получатель —

Максим Григорьевич.

Знаю его. Это поэт. И везу я ему тоску. Двойную, причём. Видимо, совсем не пишется мужику, раз такой заказ с утра пораньше в субботу.

Но это же просто работа? Поехали, Валя, может, он напишет что-нибудь стоящее.

— Маршрут построен.

Глава 1

Я не всегда был такой. Раньше меня бы насмешила мысль о том, что мне придётся работать курьером.

Родился и вырос близко к столице в семье архитектора. По всем канонам должен был купаться в достатке, но нет, вселенная решила, что не в этот раз. Мама не увидела меня в старших классах и ушла от нас с отцом. Она болела, и болезнь оказалась сильнее.

Мы жили вдвоём. Точнее, отец работал, пытаясь заглушить боль, хватался за любой проект, лишь бы не остаться со мной наедине в пустой квартире. Мне пришлось рано повзрослеть. Я хотел показать ему, что я ещё жив и он мне нужен. Но боялся сказать это прямо, поэтому решил, что хозяйство по дому теперь моя забота.

Но всё конечно. И горе тоже.

Подростки страдают тем, что слишком заняты собой и часто не замечают за своими гормональными и эмоциональными потрясениями, что мир не крутится только вокруг них. Свой мир есть у каждого, и мой отец не был исключением.

Спустя пару лет мне стукнуло 17, и меня познакомили с моей мачехой и сводной сестрой.

Как ни странно, но нам было хорошо.

Ксюха, моя сестра, была младше меня на год, но весь двор от её выходок на ушах ходил.

Она была хороша и совершенно оригинальна, чем отличалась от всех моих знакомых девчонок.

Я был ошеломлён её энергией и находчивостью.

— Серёга, — говорила она мне в очередной раз, — если продолжишь мямлить и дальше перед этой своей Леночкой, то так и состаришься, пожевывая ромашки! — И она заливи-сто смеялась. — Подходишь к ней, смотришь прямо в глаза, берёшь левой рукой её за космы на затылке и целуешь прямо в губы! — Руки её в это время дорисовывали в воздухе всё сказанное.

— С языком? — Я требовал дальнейшего совета.

— Ты дурак? — Она обречённо наклонила голову и заиграла бровями. — С языком при всех? Ты её опозорить хочешь или соблазнить?

Я, конечно же, не последовал её совету, но был уверен, что он сработает.

Её мать и моя мачеха по совместительству определила Ксению в музыкальную школу ещё в их прошлой жизни. Класс фортепиано.

Сестра рассказывала, что терпеть не могла «музыкалку» и старалась всячески её прогуливать.

— Я лучше в футбол буду гонять во дворе, чем сидеть на дурацком сольфеджио и угадывать на слух ноты! — При этих словах она рубанула ладонью воздух перед собой.

Да, в футбол она играла лучше меня. И дралась лучше.

- Слышь, Серый, дай закурить, - среди учеников параллеле-

ли я не был особо популярен, - а, ты же не куришь, лошара, - едкий смех товарищей вторил моему вечному (с четвертого класса) обидчику.

- Значит до дома опять спокойно не дойду, - еле слышно проворчал я готовясь к очередным издевательствам.

Нет, я не трус. Конечно, я буду отбиваться, но их сегодня трое, а у меня по физкультуре трояк.

- Чего ты там бухтишь, дятел? Топай сюды, разговор есть.

Нет, они не двоешники и не типичные хулиганы. Просто гормоны. Не подойти сейчас, значит расписаться в собственной слабости.

- Что хотели? - отважно спросил я и тут же получил тычок кулаком в живот.

Он заставил меня согнуться пополам. Я выпустил рюкзак и схватился за место удара, пытаюсь вдохнуть.

Пока я выглядел совсем не по боевому, один из троицы шмыгнул мне за спину.

- Серега, ты чё? Плохо тебе? - Дружок того, что ударил меня, подскочил и деланно пытался проявить сочувствие.

Я понял, что будет дальше. Как только я распрямлюсь - меня толкнут назад, я запнусь об того, что сзади и совсем не геройски растянусь на школьном газоне, жирно удобренном плевками тех, кто бегают за угол покурить.

Внезапно, тот что собирался поставить мне подножку завыл. Ещё не достаточно придя в себя я заметил краем глаза как он накрыл свою мошонку обеими руками и медленно

завалился набок, открыв всем Ксюху.

Её нога как раз возвращалась в исходное положение.

- Вы в курсе, что курить вредно, - она откинула черную прядь со лба, - гондоны?

Ксения встала рядом со мной.

- Чё ты... - это тот, что хотел меня толкнуть.

Договорить он не успел. Её ладонь коротко мелькнула снизу вверх, закрыв тому челюсть. Удар был не сильный но вовремя: язык попал как раз на зубы.

Зажав рот, покраснев лицом, он заметался из стороны в сторону, пытаясь унять резкую боль.

Третий явил нам глазные яблоки размером... Нет, не с яблоко, конечно, но с добрый такой абрикос. Он стоял не шевелясь и пялился на мою сводную сестру, словно чёрта увидел.

Она мазнула по нему безразличным взглядом, взяла меня под руку и мы зашагали прочь.

- Серёжка, ты же знаешь, что ещё уроков куча, но нет, надо тебе с друзьями поболтать...

Мне не было стыдно. Я был шокирован.

И вся она была вот такая. Поэтому, глядя на её мать, Марию Витальевну, и на неё, я не мог взять в толк, откуда у Ксении всё это. Её мать — степенная, интеллигентная школьный завуч по воспитательной работе. Никогда не повышала голос в доме, заботилась о моём отце и о нас с Ксенией одинаково.

Отец стал приходить домой вовремя. Заинтересовался

моей учёбой и физическим воспитанием.

— Сергей, я совсем не заметил, как ты вытянулся! Но вот твоя костлявость никуда не делась. Тебе нужно больше белка и обязателен спорт! Решено! Мы с тобой будем заниматься на турнике и брусьях! Они у нас во дворе, ходить далеко не надо, — выпалил он на одном дыхании, будто сдерживал в себе эти слова, как вдох, который нужно выпустить, чтобы вдохнуть вновь.

Я был рад такой перемене. В нашей квартире снова забурилась жизнь!

— Расскажешь, что где твой отец? — Мы сидели с сестрой на кухне: она пила чай, а я отковыривал мозоли на ладонях — отец сдержал своё слово, и мы с ним уже четыре месяца как завсегдатаи дворового спортивного инвентаря.

— Чего вдруг? — Она сосредоточенно размачивала печенье в кружке, следя за тем, чтобы то не успело развалиться.

— Интересно. Мою же историю ты знаешь.

Мы были одни. Стол стоял у окна. Октябрь просвечивал через штору последними жёлтыми лучами заходящего солнца. Осенние каникулы.

— Был да сплыл, — она вынула печенье из кружки, положила его в рот и пристально посмотрела мне в глаза. — И такой же будешь.

— Какой? — Я отвлекся от своего занятия и искренне уставился на неё.

— Надоест тебе жена, ребёнок — и свалишь.

— Ксюш!

— Да ладно, ладно! — Она засмеялась, оставив меня недоуменно открывать и закрывать рот в полном молчании. — Шутю, Серёга. Ты не такой, ты вон какой! Лыцарь!

Она протянула мне печенье, которое ещё не успело испытать пытку чаем. Я принял извинения.

— Не хмурься. Я правда не знаю. И мама тоже. Пропал он. Вроде как мусор пошёл выносить и не вернулся, — она увидела, что я снова начинаю возмущённо тарашиться на неё, — Серёжа, ты совсем юмор того, потерял где-то? Пропал он. Я ещё мелкая была. Десять лет было. Мать три года ждала, писала заявления, на телевидение. Его искали. И полиция, и волонтёры, и журналисты местные. Как в воду. Потом суд, признан каким-то там отсутствующим. Мне пенсию назначили. Я пенсионерка, могу на лавочке у подъезда брюзжать на всех, и ничего мне за это не будет.

Она не казалась расстроенной, но я понял, что влез со своими расспросами не вовремя. Надо было у отца спросить.

— Прости, — я виновато протянул ей руку.

Она посмотрела на неё, как будто не узнала, потом подняла на меня глаза, улыбнулась и вложила мне в ладонь свою опустевшую кружку.

— Налей-ка чаю, потерявшаяся ты серёжка.

— Дорогие выпускники! Важный этап вашей жизни окончился. Покидая эти стены, вы попадёте в огромный и безумно красивый мир. Обязательно реализуете себя. Будьте же

смелыми, любите, радуйтесь, плачьте, тоскуйте, смейтесь — живите свою лучшую жизнь! — Мария Витальевна зааплодировала нам — выпускникам средней школы № 252, но она стояла близко к стойке с микрофоном, который не успели отключить, поэтому первые хлопки пронесли по двору школы как выстрелы — оглушающе.

Она этого, казалось, не заметила и, закончив аплодисменты, вытирала выступившие слезинки кончиком платка.

Стояла необычная майская жара. Импровизированной сценой была лестница к главному входу в школу. Выпускные классы выстроились перед входом полумесяцем. Нарядные, весело перешёптывались. Никто, конечно же, не слушал речи, все ждали, когда же им будет дозволено отправиться праздновать.

Родители находились рядом, за основной массой выпускников.

Я стоял на втором плане, поэтому аккуратно отделился и подошёл к отцу. Он грустно улыбался, но в целом выглядел энергичным, живым. Мы с ним похожи. Я чуть повыше, но вот ширины его плеч ещё не достиг, хотя приблизился. Ему сорок семь будет в декабре, но выглядит моложе лет на десять.

— Ты почему не со всеми? — Он тепло улыбнулся.

— Самое главное я уже услышал, а с ребятами ещё успею погулять, — я поравнялся с ним и развернулся в сторону официального мероприятия.

— Серьёзен, — он усмехнулся и легко похлопал меня по спине, — решение не поменял? Поедешь?

— Да, сдам экзамены, отправлю документы, отдохну немного — и там уж куда пройду.

— Точно Питер?

— Точно.

— Дерзай, поддерживаю.

— Пап, почему мне никто так и не рассказал, что же в их семье случилось? — Отец заметно поморщился.

— А сам спросить? Ты уже не маленький, пользуйся средствами вербальной и невербальной коммуникации, — я заметно его рассердил, но не понял почему.

— Я спрашивал! — Ну всё, он превратил меня снова в мальчишку, а мне уже казалось, что я ровня взрослым. — Ксюха не ответила.

Видно было, что этот разговор отцу неприятен. То ли потому, что дело в ревности, то ли дело во мне — я не понял, но в тот момент решил, что дело во мне, и замолчал.

Он немного постоял, наблюдая за происходящим на сцене — там как раз держал речь один из педагогов, — потом, не поворачиваясь ко мне, вздохнул и начал:

— Отца её зовут Дмитрий. По отчеству её догадался хоть? Он признан безвестно отсутствующим. Пропал несколько лет назад. Работал каким-то программистом в небольшой IT-компании в Петербурге. Они же оттуда приехали, это-то тебе известно? — Не дожидаясь моего торопливого утвер-

дительного кивка, продолжил: — Просто исчез. Они решили перебраться сюда... Ну, дальше ты знаешь.

Он посмотрел на меня, вдруг грустно улыбнулся и сжал на мгновение мой локоть, а потом отпустил:

— Пойду покурю, — и направился в сторону школьных ворот, за которыми дымили другие отцы.

Глава 2

Обычно замечаешь лето только тогда, когда оно на исходе. И чем ты старше, тем позже это происходит.

Восемнадцать — идеальный возраст, чтобы заметить его и вспоминать о нём, когда он пройдёт.

Солнце просто поражало своей беспощадностью ко всему, до чего прикасалось.

— Это же Северная столица, — стонал я, пытаюсь наполнить своё тело бутилированной водой, которая, казалось, тут же вытекала через поры, — что же за жара такая!

Солнцезащитные очки спасали от тысяч бликов — этих лазерных лучей, посылаемых светилом и отбитых водной гладью главной артерии города.

Вот я и переехал. Моих экзаменационных баллов всё же хватило на бюджетное место. «Ура!» — всё во мне радовалось. Верил, что сейчас начало того самого времени, когда у меня появился шанс показать миру Сергея Громова! Меня ждал успех, и я его не подведу! Я чувствовал эту энергию в себе. Силы, которым нет преграды. Ум, перед которым спасуют любые проблемы и задачи. Хорошо было.

Почему у меня склонность к гуманитарным наукам? Я объяснял себе просто — наверное, в матушку. Она была литератором, точнее, по словам отца, работала в издательстве. А ещё щемящее чувство справедливости, которое выросло

во мне благодаря домашней библиотеке, собранной из книг, которые приносила она и немного отец.

Это я к тому, что теперь готовлю своё будущее на ниве юриспруденции.

Как красиво я преподношу свой выбор. Но нужно добавить: основным фактором была доступность. Ещё доступнее была только философия, но я совсем не представлял, как с её помощью зарабатывать на жизнь.

Продираясь через автомобильные и людские пробки, шум металлических и людских масс, перебежками из тени в тень, я пробирался по центру города, попутно глаза на непривычную глазу архитектуру. Точнее, нагромождение дворцов и дворов-колодцев прошлого разных расцветок, размеров и стилей.

— В таком месте не может быть скучно, — твёрдо решил я.

Мне повезло: отец заявил, что жить мне придётся в съёмной квартире и никаких возражений слушать не собирается. Так мои мечты о самостоятельном плавании с первых дней нахождения в открытом океане жизни натолкнулись на суровый окрик божмана, чтобы не думал там чего-то себе, а продолжал выполнять команды. А может, это и есть взрослая жизнь?

Однако место жительства доверили выбрать мне. Ох уж эта иллюзия свободы! Но я ухватился за неё и носился по городу, гремя вагонами под землёй, скрипя вагонами на земле,

вдыхая массовый парфюм выхлопных газов сквозь открытые форточки автобусов, потому что кондиционеры опять не включают! Не думал, что это будет так сложно сделать.

Бюджет у меня был, но он был ограничен, поэтому бросаться на любой вариант я не мог. Несколько дней я мотался из района в район в поисках будущего штаба «победителя по жизни». Каждый вечер, насмотревшись всякого, изрядно пыльный и голодный, уныло возвращался в отель для тех, кто любит побыть в компании абсолютно неизвестных личностей.

В комнате без удобств нас было четверо — и это ещё неплохо.

Наскоро перекусив очередным произведением восточного кулинарного искусства (очень вкусно, кстати), приняв душ, я заваливался на скончавшуюся в муках койку, укрепленную импровизированным лежаком из досок, опрочеленных в (прости господи) ортопедический матрац. Брался за книгу.

Прихватил её с собой. Фантастика. Люблю такое.

Мои соседи не читали. До полуночи комната освещалась экранами телефонов и планшетов с мелькающими по ним персонажами какой-то новой модной игры.

Странно, но мобильные и компьютерные игры я не любил. Мне не нравилось, что вместо моего воображения мне подсовывали готовый разукрашенный суррогат.

Потратив неделю на вынужденное знакомство с городом,

я нашёл её. Свежий простой ремонт, рядом с метро, стоимость — всё сошлось.

- Вы представляете? - пожилая женщина потыкала узловатым указательным пальцем сначала мне в грудь, а потом в сторону крыльца новенькой парикмахерской, украшенной воздушными шарами. - Людка, стерва. С пятой парадной. Всю дорогу шалавой была, а теперь бизнес крутит!

Так я познакомился с местным колоритом жильцов. Я покивал ей с серьёзным видом. Но в кармане радостно позвякивали ключи от квартиры и мои мысли неслись по облакам воспевая самостоятельность.

Так незаметно, обживаясь и знакомясь с новым местом я не заметил как календарное лето закончилось, но сентябрь продолжал, как будто в забытии, дело своего предшественника. Странно, но осенью тепло и жара воспринимались как дар, как природная ласка.

Началась учёба, и я с благодарностью вспомнил свою школу, отца, который помогал и поддерживал меня, пока я учился. Также спасибо моей природной любознательности — наука давалась мне легко, очень многое из того, что рассказывали преподаватели, было мне либо известно, либо знакомо.

Ещё мне понравилась огромная библиотека, в которой можно было сидеть часами и незаметно приближать вечер.

— Привет, Серёжка! — Она звонила мне каждый вечер. — Как там твоя теория права поживает?

— Привет, Ксюш, по тебе можно часы на Думской башне

подводить, — я был рад и, честно, ждал её звонка.

— Ты увиливаешь от прямого вопроса! Эх, что же с тобой делает твоя профессия... — она притворно поцокала в трубку.

— Ты видишь меня насквозь! У тебя развилась дальность? — Я попытался в юмор. — Вообще, ты знаешь, что основа нашей правовой системы — романо-германская система?

— Ужас! Опять ничего своего не придумали. Ты ещё скажи, что наша конституция — копия французской!

— Готовилась к разговору, да?

— Может, я тоже буду юристом и мы с тобой встретимся по разные стороны? Вот тогда-то я тебя и взгрею! — Она заливисто рассмеялась.

Я улыбнулся.

— Как вы там?

— Ой, просто замечательно! Без тебя так много места стало. Ты думаешь, почему я тебе звоню постоянно? Хочу убедиться, что ты не собираешься возвращаться.

— Ксюш, — взмолился я, — ну перестань, пожалуйста.

— Ладненько, опускай лапки, солдат удачи, — я был уверен, что она довольно ухмыляется, но я был рад ей уступить. Всегда.

Так незаметно прошёл учебный год. Всё для меня было в новинку: приятели по учёбе из разных уголков страны и

зарубежья, местный колорит, учебный процесс. Мы стали юридически совершеннолетними, но остались совершенно детьми.

— Алло! Серёга! Чем занят? — Однокурсник Вадим никогда не стеснялся звонить в любое время.

Одной рукой потирая со сна глаза, второй я обречённо прижал телефон к уху и сделал потише.

— Да вот лежу, жду, когда позвонишь. Устал ждать уже.

— Красава! Я в тебе не сомневался, дружище!

— Хотел чего? Или так — скучно? — Я решил его выслушать.

— Я после ночной, сейчас покимарю немного и к тебе подъеду, ок? Пожрать есть что у тебя?

— Немного — это сколько? Жду цифры.

— Зануда! Около двух дня.

— Понял, принял, — я отключил звонок.

— Вадик, Вадик, как ты бесишь порой, — сунув телефон под подушку, накрыл голову одеялом.

Ещё пара часов сна не помешает.

Конечно, ни к двум часам Вадим не приехал. Ворвавшись с визгом тормозов в узкий двор дома-корабля, он воткнул свою замученную «Тойоту» аккуратно рядом с моей гордостью и очередным папиным подарком — стареньким «Логаном».

— Вот же водятел, — я с волнением наблюдал его вираж. — Нельзя же так по двору носиться. Дважды хлопнув водительской дверью (с первого раза она не закрылась), Ва-

дик, прижимая к себе бумажный пакет, направился ко входу в парадную. Да, стараюсь говорить и думать «парадная», а не «подъезд» — всё-таки иногда хорошо «казаться», а не «быть».

Домофон. Я открыл входную дверь, чтобы не слушать ещё и дверной звонок.

Лифт прибыл, а с ним прибыл мой товарищ.

— Серёга, здорова, — он деловито протянул мне свободную руку, по чистой случайности оказавшуюся правой, — как сам? Скучал?

— Все глаза проглядел. Как это у тебя так получается? В универе всё вовремя сдаёшь, а к назначенному времени не приехал?

— Это называется «трудовая дисциплина», брат, а сейчас я отдыхаю.

Он, не церемонясь, шурша пакетом, прошёл на маленькую кухню. Водрузил ношу на стол и торжественно начал выкладывать на стол всякую снедь — в основном какие-то булки и консервы.

— Чай будешь? — Я щёлкнул выключателем электрочайника.

— Ради него и приехал. Дай нож консервный, — он вертел в руках банку с сайрой.

— Надо поискать, — открыв кухонный ящик, я принялся с металлическим звоном перебирать столовые приборы. — Недавно видел же.

Вадим уже нарезал батон.

— У меня ещё пельмени остались, вчерашние, — я решил блеснуть ведением хозяйства.

— Нож тупой, — Вадим демонстративно провёл по лезвию пальцем. — А магазинные пельмени, Серёга, это признак гнетущего одиночества.

— Ты руки не мыл, а уже выступать начал.

— Что ты, друг! Я же с чистыми пришёл!

Минут десять мы усиленно жевали. Пельмени тоже были употреблены, потому что портить продукты — ещё хуже, чем какое-то там одиночество.

— Как работа? — спросил я, вымаливая в кипятке второй чайный пакетик.

— Да работа как работа, не пыльная, без головняков. Двенадцать часов — гарантированная пятёрка, район какой хочешь. График сам выбираешь. Я по ночам катаю, километров семьдесят за смену, — продолжил Вадим, помешивая сахар в кружке.

— Продукты возишь? Готовую еду? — мне было не очень интересно, но я поддерживал разговор.

— Вот тут внимание! — он поднял вверх правую руку, указательный палец направил в потолок. Я взглядом проследил направление — ничего там не увидел, потолок и потолок.

— Сувениры!

— Что? — я отвлекся от своих мыслей и вернулся за стол.

— Су-ве-ни-ры, — в такт каждому слогу указательный па-

лец покачивался то вправо, то влево. — Не те, о которых ты подумал, извращенец малолетний, — он не удивился тому, что прочитал мои мысли — это было очевидно. — А сувениры из мобильной игры!

— Вот теперь я вообще ничего не понимаю. Люди настолько зажрались?

— Есть такая игра — «Space burn», слышал? — Я кивнул. — Ну, гляжу, ты не совсем отсталый. Так вот, игруха увлекательная, графон супер, а главное — тянет даже на «калькуляторе»! Так вот, там за выполнение заданий дают внутриигровую валюту. Можно и за донаты её получить, это как обычно. — Вадим завёлся и затараторил: — Покупать за неё особо нечего, так вот, они придумали игровые сувениры с курьерской доставкой! Причём делают на заказ! Можно выбрать готовые модельки космических кораблей, — он вскочил со стула и начал активно жестикулировать, — а можно прислать свой рисунок или вообще словесное описание, прикинь?

— Ты просто не выспался и возбуждён из-за сбоя режима, — я делано опустил кружку на стол (всё время его монолога я держал её, забыв, что хотел отхлебнуть).

— Согласен, — Вадим плюхнулся на стул. — Но скажи, что они здорово сломали шаблон!

— Сломали. А какой у неё рейтинг?

— Более двухсот миллионов скачиваний за год!

— А сувениры давно?

— Не, пилотный месяц сейчас, щупают.

Паузу заполнил стук вилок, собирающих последние остатки холостяцкого питания. Вадим стал нарочно громко пить чай, втягивая напиток губами и причмокивая от удовольствия.

— Ты сказать что-то хочешь или просто так бесишь?

Он заулыбался.

— Сергей, у вас имеется в наличии автомобиль?

— Вадим, безусловно, имеется, — я решил подыграть ему.

— А имеется ли у вас желание освободить distinguished отца от совершеннолетней нагрузки на бюджет семьи? — он сощурился, пристально глядя на меня.

— Ах ты гад, — резюмировал я. — Ранил!

— Тогда предлагаю вступить в славные ряды доставщиков хорошего и светлого! Тем более за приведённого друга дают двадцатку — на двоих и попилим.

Я выдержал его взгляд, не мигая, потом сокрушённо опустил голову.

— Убил! Попробую.

Глава 3

Курьером меня приняли на удивление быстро. Вадим не соврал и воспользовался мной — «привёл друга». Осталось теперь получить за это бонус.

Мне предложили выбрать «базу», которая удобнее; оказывается, их несколько по городу. Я не стал разбираться и выбрал ту, где работает друг.

Сначала думал, что буду работать в самой Space Burn, но оказалось, что в ООО «Кораблик». Да...

— Доброе утро! — крикнул я в пустоту.

На производстве (она же «база») всё устроено так: небольшое квадратное помещение со стеллажами, которые, в свою очередь, разделены на ячейки. Стеллажи эти расположены прямо напротив входа, за ними — небольшое тускло освещённое пространство. Между входом и стеллажами стоит металлический стол, куда, по мнению «организаторов», удобно ставить наши фирменные сумки и нагружать их объектом доставки.

Указанное помещение находилось в отдельно стоящем нежилом двухэтажном здании, на втором этаже, и занимало, по моим прикидкам, квадратов двести. Если войти и обогнуть стол справа, то можно попасть в небольшой коридор. Этот коридор, закованный в серый кафель, заканчивался туалетом для персонала (то есть для нас), спрятанным за

тонкой, практически бумажной белой дверью.

За стеллажом послышался скрип дверных петель и шорох от раздвигаемых этой дверью каких-то упаковок, полиэтиленовых мешков, коробок, преимущественно пустых и наваленных «на выброс».

На уровне полутора метров из-за ячеек показались чёрные кудри, беспорядочно захватившие большую круглую голову. Глаза, скрытые этими непослушными вихрями, иногда пробивались блеском, словно свет фар сквозь ночной лес. Крутой нос был направлен в мою сторону, а губы под ним, мясистые, со следами белой пены в уголках, растянулись в приветливой улыбке.

Голова в ячейке сказала:

— А! Привет, дорогой! Доброе! Доброе утро! Кто рано встаёт, да? — Наверное, он подмигнул. По крайней мере, такое ощущение было от интонации.

— Привет-привет, — я привычно махнул ему одной рукой, другой придерживая на плече сумку, — как ночка, Фарит? Жарко было?

— Что ты, еле-еле не уснул! — Он буркнул что-то ещё, но я не разобрал.

— Пить хочешь? — Я достал из кармана пол-литра заменителя иностранной сладкой газировки.

Кудри утвердительно затряслись, а из ячейки показалась узловатая бледная кисть, которую также оттеняли чёрные волосы.

Это у нас с ним ритуал такой. Фарит любит сладкую газировку.

— Всего три дня работаю, а словно в доску свой. Хорошие ребята тут работают, — рассуждая, я передал жаждущему бутылку и принялся устраиваться возле стола в ожидании первого на сегодня маршрута.

— Полчаса ещё точно тихо будет, — раздалось от Фарита после шипения газов из-под открываемой пробки и нескольких смачных громких глотков. — Перекури пока. — И он скрылся, скрипнув дверью.

Я не курю, и он это знает.

Фарит — интересная личность. Он горбун. В прямом смысле, но, ребята говорят, талант в 3D-моделировании и вообще с техникой на «ты».

Эти качества разительно дисгармонировали с простоватой, будто намеренно упрощённой речью.

У нас на производстве он был бессменным управляющим и ответственным за выдачу заказов курьерам.

В первые дни я очень скептически отнёсся к этим «заказам». Какой дурак будет заказывать эти безделушки в таких масштабах, что понадобятся целые производства с курьерами?! Почему проигнорированы маркетплейсы?

Но, видимо, такие мысли были порождением моей экономической безграмотности. Не будут же капиталисты работать в убыток?

Вспоминаю мой первый отвезённый заказ. Это было

несколько дней назад.

Я вышел в первую смену в понедельник; казалось, что с понедельника нужно начинать что-то новое в жизни. Глупая мысль, всё равно что идея бросить пить с первого января. Но мне это не грозит: выпивать я только недавно начал и ещё не успел пристраститься настолько, чтобы подумывать бросить.

Первый заказ лежал в ячейке, с Фаритом на тот момент я ещё не успел познакомиться. Экран смартфона с открытым приложением для курьеров компании любезно уведомил меня, в какой ячейке заказ и его название: «Первая любовь».

— Дичь, — я мысленно представил, что может находиться в коробке с названием «Первая любовь», — ни с чем культурным ассоциаций нет.

Получил коробочку в ячейке, положил её в пакетик, а пакет — в сумку.

— А сумку в дупло дуба, а дуб в тридевятое царство... — Сарказм так и лез из меня наружу. — Ладно, деньги сами себя не заработают, — проворчал я.

Закинув сумку на плечо, спустился к машине.

— Первая любовь... Дупло... — Мне стало весело. — Это нервное, — резюмировал я. — Или плохая компания... В любом случае будет что обсудить с Ксюхой. Уверен, она выдаст кучу версий.

Адрес из заказа автоматически скопировался в навигатор.

— Маршрут построен, — сообщил он стандартным голосом.

— Скучно так будет ездить, — решил я, выруливая задним ходом с парковки, — надо поставить озвучку поинтересней.

С этой мыслью мы с машиной выехали на проспект и двинулись по незнакомым улицам. Пока ещё незнакомым.

— Кстати, я так и район хорошо изучу, — удовлетворённо подмигнул сам себе в зеркало заднего вида.

Адрес доставки недалеко. Через несколько минут поездки я уже искал парковку возле дома типовой постройки в девять этажей.

— Шестая парадная, где же ты? — Я притормозил во дворе и начал пальцами производить манипуляции, пытаюсь приблизить изображение дома в навигаторе, чтобы разглядеть нумерацию подъездов.

Меня отвлек стук в правое переднее стекло. Резко повернувшись на звук, я встретился глазами с девушкой. На осунувшемся лице живыми были только губы.

Несколько долгих секунд я следил за ними и только потом догадался открыть окно.

— Машину уберите с прохода, говорю! Мне с коляской не пройти! — В отличие от голоса, глаза не выражали ничего.

— Да, конечно-конечно, простите! А вы не подскажете, где тут шестой подъезд?

— Что?

— Э-э-э... Шестая парадная! — Я развёл руки в извиняющемся жесте и глупо улыбнулся.

Она молча указала вправо.

— Спасибо! — Крикнув удаляющейся фигуре с детской коляской, поехал в указанном направлении.

Кое-как втиснулся между припаркованными машинами, энергично выбрался, схватил сумку и пошёл к домофону.

Я был на взводе. Встреча с незнакомыми людьми для меня всегда испытание, а тут не просто незнакомые — клиенты. Как вести себя девятнадцатилетнему домашнему парню с клиентом?

Домофон впустил меня продолжительным звуком «и-и-и-и...».

Если на улице в это время воздух благоухал растущей зеленью, то сразу за входной дверью я натолкнулся на стену из вони кошачьей мочой.

— Как будто шлюз на космическом корабле, — зажимая нос, пробормотал я, — я теперь не отмоюсь!

Почти вслепую от разъедающего слизистые запаха добрался до лифта. Нырнув в него, я резко выдохнул и глубоко вдохнул.

— Как они тут живут? — Обречённо спросил я в камеру видеонаблюдения, установленную в свежей кабине лифта.

Мне нужен пятый этаж. Лифт выпустил меня на площадке между пятым и шестым этажами.

— Оригинально, — восхитился я такому решению строителей.

Спуск на один пролёт. Волнуюсь. Нужен номер двадцать

три.

— Чёрт! Вижу двадцать два и двадцать четыре! — Я за-метался по площадке.

Мысленно одёрнув себя, решил выбрать ту дверь, которая была слева от квартиры с номером двадцать четыре.

— Логично? — Усмехнулся я над собой. — Логично, но кто его знает? Ты же видел, куда лифт приехал?

Споря сам с собой, я вдавил клавишу звонка. Щёлкнул замок. Дверь открыла невысокая полная женщина лет пятидесяти.

— Здравствуйте, — я принялся расстёгивать на весу сумку, чтобы вручить заказ. «В следующий раз нужно будет её заранее расстегнуть», — сделал себе мысленную «зарубку».

— Ой, вы так быстро приехали, я даже не успела пригото-виться! — Она широко улыбнулась.

Тут я заметил густо покрашенные губы и... Платье? Точ-но! Вечернее блестящее платье. Утром. В понедельник.

«К чему она не успела приготовиться? Туфли не обула?» — Я начал сомневаться, что позвонил в нужную квартиру.

Она заметила, что я замешкался, поняла это по-своему, и продолжила скороговоркой:

— Сын заказал ерунду какую-то, ха-ха, а сам ушёл, м-м-м, за хлебом, вот я жду, давайте скорее, ну что же вы? — На одном дыхании она успела вместить в предложение несколько эмоций: и посмеяться, и взгрустнуть, и упрекнуть, и за-дать вопрос.

— П-пакет запутался, — соврал я, протягивая фирменный пакет с картонной коробочкой внутри, — вот, пожалуйста.

Она ещё раз улыбнулась, но уже задумчиво; подведённые карандашом глаза блеснули. Пакет перекочевал в её пухлые ладони с короткими пальцами. Дверь мелькнула, щёлкнув фурнитурой.

— Доставил? — спросил я себя. — Доставил.

Отметил в приложении, что работа выполнена (нажал на слово "Доставлено") и поднялся к лифту, хотя можно было бы спуститься на полпролёта ниже и вызвать оттуда.

— Справился же, — кивнул я себе с приятной уверенностью, расслабляющей напряжённые мысли. — Теперь осталось преодолеть вонь на первом этаже и снова на производство.

Доехал до базы не спеша, наслаждаясь тем, что работа мне по плечу. Поставил машину рядом с серебристым седаном марки Peugeot. Видимо, это тоже курьер. Ну, что же, вместе веселее.

Поднявшись по лестнице в уже знакомое помещение, я увидел крупного мужчину лет пятидесяти, который сидел на железном стуле, локтями опираясь на стол для загрузки товара. Он сосредоточенно вглядывался во что-то на экране телефона; при этом, наверное, забыл про очки, которые мирно возлежали на широком лбу поверх густых с проседью бровей.

— Доброе утро, — поприветствовал я коллегу, первым протянув руку для знакомства.

Отвлечшись от своего занятия, он несколько секунд разглядывал меня, увидев такие же атрибуты профессии, как у него, улыбнулся и крепко пожал мою ладонь.

— Жека.

— Сергей.

Наше знакомство состоялось непринуждённо. Одних имён и принадлежности к одному делу оказалось достаточно.

— На усиление? — спросил он.

— Э-э-э... Я новенький, — всё же смутился я. — Что такое «усиление»?

— Это, братец, когда у логистов попки горят, а заказы на полках пылью покрываются, ха!

Он хохотнул, закинув голову назад, потом резко вернулся в прежнюю позу так, что очки оказались там, где им и положено быть. Пригвоздив меня к месту взглядом поверх оправы, спросил:

— Первый день? Не видел тебя. Раньше развозил?

— Нет, первая моя работа, — я наконец очнулся и снова смог шевелиться.

— Молоток! Работа — это хорошо!

Его телефон тренькнул. Евгений (да, именно так; я не мог даже про себя называть его «Жека») перенаправил свой взгляд на экран, устраивая очки поудобнее на лбу.

— О, заказик. Поехали.

Дверь за стеллажами скрипнула; в полке с номером восемь появилась небольшая коробочка.

— Я раньше продукты развозил, из мегамаркетов, — расстёгивая сумку одной рукой, второй он срывал себе пакет из общей пачки, — килограммы продуктов, представляешь? Один заказ может быть кг тридцать! — Коробочка перекочевала в пакет. Евгений шмыгнул носом. — Вот запах: то воняет, то как будто едой домашней.

Задумавшись над его словами, я понял, что ещё не разобрался, чем же здесь пахнет.

Тем временем пакет поместился в сумке.

— О чём я? — Он задумался. — А, да, долбанные пакеты с картошкой и бутылки с водой. Целые упаковки воды! А тут такая тема, брат, мелочовка, но денег больше и здоровье в порядке — ништяк, я тебе говорю.

Он закончил сборы, аккуратно снял сумку со стола, словно в ней что-то хрупкое, улыбнулся мне.

— Не скучай, ещё поболтаем, — и вышел наружу.

— Нормальный мужик, — резюмировал я, устраиваясь на железном сиденье.

Дискомфорт от металла, бессовестно вытягивающего тепло сквозь летнюю одежду, я почувствовал через несколько минут. Вспомнив, что на холодном сидеть вредно, принялся искать, что бы подложить. В углу между стенкой и кулером для воды обнаружилась картонка. Чистая.

— Вот и замечательно, — я решил, что уберу её потом обратно; вдруг она чьюнибудь...

Следующий заказ я получил, находясь ещё в одиночестве. Появление новой коробочки произошло вместе с Фаритом, который вынес её с тем же скрипом петель и шуршаниемхлама, как и сегодня.

Я залип в телефон, и появление нашего «шеф-повара» меня откровенно напугало. Посторонние звуки не успели вернуть меня в реальность, как резкий булькающий звук втягиваемых носом соплей заставил меня вскочить с нагретой картонки и развернуться в сторону причинителя звуков.

— Привет, — между ячейками мелькал похожий на лохматую человеческую голову ворох чёрных волос. — Сергей? Сказали, что сегодня объявится новенький. Ты же?

— Я... Привет! — постарался придать голосу уверенности, произнёс я.

— Ну, давай, тогда, вот штучка, суй в брючки, ха-ха, — ворох волос затрясся; очередная сопля, стремящаяся покинуть нос Фарита, остановила шуточный тон. — Пить есть чё?

— Нету, — я непроизвольно начал подражать его манере говорить. — А тут пить нечего?

— Водой отравиться можно, я колу хочу, она полезная.

— Никогда бы не подумал.

— А ты попробуй.

— Колу?

— Подумать! А-ха-ха... — И он удалился к себе.

— Мать моя женщина, — мне определённо тут понравилось.

На этот раз навигатор указал, что с клиентом нас разделяет семнадцать минут.

— Бензина пожгу, — досадовал я, убирая вытянутую коробочку длиной в локоть в сумку.

— Вот это размерчик. Интересно, что там? Название: «Тоска» (двойная), — написало приложение.

Я пожал плечами.

— Ну ладно, кому любовь, кому тоска. А мне рулить.

Если сравнивать, в какое время дня лучше всего ездить на машине по городу, то лучше на метро. Но если уж совсем не в моготу, то утром. Не рано, а примерно между десятью и полуднем. Машин мало, солнце ещё не жарит — красота.

Мурлыкая себе под нос внезапно всплывшую в памяти детскую песенку про Фунтика, я повернул на улицу Верности. Вот дом. Пятиэтажка. Посмотрев на адрес внимательно, убедился, что этаж пятый.

— Ерунда! На одном вдохе залечу! — Расхорохорившись, полез из машины, удачно оставленной в тени многочисленных деревьев у дома.

Домофон сработал штатно, парадная не вызвала рвотный позыв, лестничные пролёты светлые и чистые.

— Вот это уже похоже на лучший подъезд года, — с хорошим настроением я донёс «тоску» до входной двери на пятом этаже.

Звонка не было. Постучал.

Дверь открылась; в тёмном проёме коробки горели огнём глаза. Невероятно светло-карие, почти оранжевые.

— Линзы, что ли? — Мозг мой жил своей жизнью.

— Доброе утро, молодой человек, — сказали глаза. То есть не глаза, конечно, а рот. Вроде бы.

— Известие, вы, сударь, принесли? Худое ль? Доброе? Ответьте мне на милость?

— Ч-чего? — Это было настолько необычно, что я получил возможность оторваться от странных глаз и рассмотреть их носителя.

Высокий, худой, острые скулы, короткая стрижка, почти лысый. Судя по отсутствию загара, такая стрижка ему в новинку. Прямой нос, как указатель направления движения. Высокий лоб с двумя глубокими морщинами на переносице.

Красная рубашка в клетку с подвернутыми рукавами, натянутая на голое тело. Зелёные спортивные трико с надписью на правом бедре «black», у которых натурально были вытянуты колени.

— Чего-чего... Чего вы шарите глазами? Давайте мзду и дуйте вон!

— Но у вас ещё не оплачено!

— Серьёзно?! Моя вина! Забылся в горе томном! — Он привычным движением потянулся рукой к отсутствующей шевелюре. Не найдя её, досадливо махнул в мою сторону и бросился внутрь квартиры, забыв прикрыть дверь.

Мне открылась конура этого странного клиента. За входной дверью была ещё одна, деревянная, которая открывалась внутрь. Прихожая была частью коридора и обозначалась вешалкой с тумбой. На вешалке висела серая куртка, тёмно-синий плащ и болтался из стороны в сторону от стремительно ретировавшегося хозяина квартиры зонт-трость, зачем-то повешенный за ручку рядом с плащем. Поверх плаща располагалась тёмная фетровая шляпа с голубой лентой.

— Банд? — Я попытался вспомнить название. Тулья была идеальной формы.

За прихожей, в видимой мне части коридора, была ещё одна дверь со вставленным овалом мутного стекла. Она была закрыта.

Моё знакомство с жилищем одинокого мужчины средних лет было прервано появлением этого самого мужчины.

— Вот, — он вернулся с телефоном в руках и что-то там выводил пальцами, — вот, сейчас. Ага! Готово! Оплатил!

Он повернул гаджет экраном ко мне. Я увидел нарисованный интерфейс игры, а в центре экрана окошко оповещало, что покупка оплачена.

— Набил фрагов, накопил голды, заказал, а заплатить забыл! — Он возбуждённо пытался убрать телефон в карман трико, но не попадал.

Я посмотрел в приложении — оплата подтвердилась. Достал пакет с его «тоской» и протянул. Он уже справился с аппаратом и аккуратно принял пакет, бережно подложив под

коробочку ладонь.

— Благодарю, мессир! — Блеснул на прощание глазами, и дверь, казалось, закрылась перед моим носом сама по себе.

— Рассказать кому — не поверят, — и снова на базу.

За тот день я отвёз ещё семь заказов. Но остальные клиенты казались обычными людьми: уставшие, отдохнувшие, молчаливые, улыбающиеся и безразличные.

Прокручивая в голове первый день, я мысленно смеялся над собой. Но он прошёл. Прошёл и следующий.

Пока я сидел и вспоминал пережитое, решил, что сегодня не буду обращать внимания на всяких фриков и сумасшедших. Стану дежурно улыбаться и работу работать.

Дверь открылась — вошёл Жека.

— Здорова, Серёг.

— Здорова, — я подал протянутую руку.

— Как тут? Дымится?

— Да больше курится, — я досадливо отмахнулся. — Минут сорок кукую.

— Ну, я тут, значит, скоро поедем, — он уверенно устроился рядом со мной и глянул на экран моего смартфона. — Как вчера?

— Восемь. Ночью, говорят, минималку за половину смены вывозят, — я отложил телефон в сторону экраном вниз.

— Ночь — это для молодых, таких как ты. Я в этих узких дворах все бока на тачке стешу, — он показал жестами, как задевает припаркованные машины.

— Эт точно, ночью надо спать, — глубокомысленно закрыл тему я.

— Фарит тут?

— А где ему быть?

— Вот и я думаю также, — он тяжело поднялся и побрёл в сторону санузла. — Пойду отработку солью.

Я не стал комментировать. Меня всегда смущали такие интимные темы.

Пиликнул телефон.

— Первый пошёл, — я поднялся, готовясь к появлению Фарита.

Зря поторопился — пришлось ждать несколько минут. Евгений успел вернуться и погрузиться в свой гаджет.

Наконец Фарит явился, как всегда в шорохе и полумраке. Поздоровался с Жекой и вернулся к себе, не уделив мне и полслова.

— Пробовал уже? — не отрываясь от экрана, спросил Евгений.

— Что? — возясь с сумкой, я не понял, о чём он.

Евгений поднял глаза и уставился на меня.

— Заказывал себе?

— Нет, зачем мне хлам этот? — всё ещё не понимая, зачем он поднял эту тему, я наконец застегнул сумку и взялся за телефон, чтобы построить маршрут.

Этот заказ назывался: «Прыгнуть со скалы».

— Серьёзно? — продолжил своё Евгений.

Он даже развернулся ко мне корпусом, выражая явное любопытство и важность для него этой темы.

— Даже отказные в руки не брал? — он подался вперёд, поближе ко мне.

— Не было у меня отказных, — отмахнулся я, но меня начал беспокоить его интерес. — А что такого-то?

— Серёга, ты конкретно ответственный человек. Однако где твоё любопытство? — он направил экран своего телефона ко мне. — Видишь?

— Ты играешь в это? — я искренне удивился.

— Да, блин! Мы все играем!

— Зачем? Интересно?

— Да ну на! — он воскликнул и вскочил, но тут же заговорил почти шёпотом. — Серёжа, это не просто сувениры. — Заметив натягивающуюся ухмылку на моём лице, он продолжил быстрее: — Это кайф, Серёжа, это как взрыв! Только коснись голой рукой — и ты будто кончаешь, я те говорю! Потом всего трясёт ещё минут десять. Отходняк, но кайф этот... От него реально тащишься.

Я заставил себя захлопнуть челюсть.

— Бред какой-то. Как они это сделали?

— В душе не знаю, — Жека снова плюхнулся на сидушку.

— А Фарит? — я ткнул пальцем в направлении коморки горбуна.

— Да он просто печатает их, на принтере. Ты что, не заглядывал туда? — уже громче заявил Евгений.

— Нет, а можно? — я даже не задумывался об этом.

Мне действительно не было интересно, откуда берутся эти изделия. Я же работаю — моё дело простое: приехать вовремя, принять заказ, отвести, вернуться. За это и платят.

— Вот молодёжь пошла. Я в твои годы уже первый раз развёлся и корпоратив открыл, — он начал язвительно улыбаться.

— Видимо, не поперло? — логично отметил я его положение курьера.

— Ха, — обиделся он, но справился с эмоцией. — Следующий отказник попробую стырить и дам тебе. Только нормальное должно быть что-нибудь, весёлое. — Его интонация вернулась к привычному размеренному ритму. — Что сейчас везёшь?

Я посмотрел на экран, словно забыл название:

— «Прыгнуть со скалы».

— Жопа. Это мы трогать не будем. Ты поаккуратнее с получателем.

— А что там?

— Да вроде достаточно прозрачно написано, ха-ха! — Он сочно заржал. — Сдохнуть кто-то хочет.

— В смысле? Это небезопасно?

Он покачал головой.

— Погоди, а как же следствие там? Это же ЧЭПэ? — Я решил, что попал в какой-то сюрреализм, но отказывался в это верить.

— Я тебя умоляю, ах, да... Ты же в руки не брал ещё, то есть, — он запнулся, — не трогал... Рассыпаются они в пыль.

— Люди?

— Дурак совсем? — резонно заметил Жека. — Сувениры эти, японские, — выругался он. — Ладно, ехай, и осторожней будь, ок?

В этот момент я как раз чесал макушку, пытаюсь придать мыслям стройную форму. Но не вышло. Я поехал.

Глава 4

Мало того, что встал с левой ноги. Нагрубил коту, хотя, он уже привык и мы так общаемся - дружески. Не получил чаевых вообще, так ещё и заказы целую смену дальше десяти километров. Никакой экономии топлива и нервов.

Я сидел в машине с запотевшими стеклами и, глядя в зеркало, ковырял прыщ на кончике носа. Он от этого распух и я стал похож не просто на студента - курьера, а на прыщавого студента - курьера.

- С такой рожей ничего тебе не светит, Серый, - устало прогнусавил я и снова поднял телефон.

Сегодня дождливый день. Воздух смешался запахами озона, скошенной травы и цветущих в клумбах цветов. Лето в разгаре. Мытые вороны нахохлились и сушат перья, скрываясь от назойливых капель в листве клёна.

Пять минут до окончания смены. Надеюсь, что логист сжалится и не кинет мне ещё заказ «на дорожку».

— Снова не отвечает, — я сбросил вызов, и автоответчик оборвался на половине фразы.

— Добрый день! Это личный ассистент Полина, расскажите мне...

— Эх, Полина, Полина, иди ты в пень.

Я сильно откинулся на подголовник кресла и закрыл глаза. В висках застучало. Середина июля. Я тут уже месяц. На-

доела рутина.

Надоели эти кретины, которые встречают меня с безумными глазами. Бешеные. Зависимые.

Но это всего лишь работа. Наверное, не хуже и не лучше, чем любая другая.

— Так, ещё минута, закрываюсь и поеду к нему, — я решительно взялся за ключ зажигания и повернул его на старт. — Он никогда так надолго не пропадал.

Взглянул на часы. Пора.

— Надо будет коту еды купить на обратном пути.

Закрыл смену в приложении, завёл двигатель и начал выруливать с парковки у производства.

Привычно забил адрес Вадима в навигатор, чтобы отслеживать пробки, и выехал на проспект. Правый стеклоочиститель скрипит.

— Поменять дворники пора, ну, с получки... — Сторонние мысли не переставали крутиться в голове, отгоняя настойчивое: «Что-то случилось».

Протиснувшись между смотрящих друг другу в окна пятиэтажек, я остановился напротив дома, где Вадим снимал комнату. Его машина со следами птичьего помёта на кузове стояла под стройной высокой грушей.

— Ну кто догадался посадить у дороги грушу? В сентябре вмятины на машине устанешь считать, — оценил я чей-то безусловно праведный порыв сажать деревья.

Сегодня суббота, машин во дворах мало, местные жители

на выходные оставляют город курьерам и птицам.

Вадим снимает комнату в «трёшке», как он говорит:

— Досталась мне роскошная жилплощадь, а к ней и домработница, по совместительству хозяйка квартиры, она же «старушка-проценщица»! Вот буду ухаживать за ней, и она меня в своём завещании укажет. Уж я умею быть учтивым, — и всегда при этом хохотал своей шутке.

Эти мысли бились в моей черепной коробке вместе с кровью в висках, пока я подходил к двери «парадной».

— Всё с ним нормально, ну, может, приболел, так не один же, поди, хозяйка эта позаботится. Она просто телефон не догадалась зарядить...

В кармане булькнул сообщением мой телефон. Вынул его.

Ксения: «Привет, кошачий воспитатель! Покоритель чайных! Герой доставки! Как дела?».

— Не сейчас, потом, — ответил ей мысленно и нажал два раза цифру семь и букву «К» на домофоне.

Аппарат вместо привычных гудков издал пронзительный писк. От неожиданности я отдернул руку от ручки входной двери, которую по курьерской привычке держал, так как клиенты всегда тебя ждут и не любят болтать, задерживая тем самым доставку желаемого.

Писк оборвался, и магнит на двери отключился, впуская меня внутрь.

— Глючит, что ли? — Я переборол желание сесть обратно в машину и потянул за ручку снова.

Дверь подалась и бесшумно открыла вход на лестничный пролёт с низкими ступенями. Стены белёные, по низу окаймлённые зелёным крашенным фартуком. Несмотря на день, здесь было сумрачно. Окна в пролётах изначально грязные, ещё и забрызганы известью.

Обычно в парадных пахнет. Да что там пахнет — откровенно воняет, но здесь запах отсутствовал, как будто воздух был стерилен.

Путь на второй этаж отозвался гулким эхом моих шагов.

Первая дверь справа от лестницы.

— Современная, а звонок старый, — я потянулся к нему, но нажал не сразу — замер на мгновение.

Бежевый цилиндр с чёрной кнопкой располагался на уровне горла, которое как раз словно перехватило. Нажимать почему-то не хотелось. Совсем.

— Да что за бред какой-то! — Выводя себя из оцепенения, я с силой нажал на кнопку.

На той стороне раздалась на удивление приятная мелодия.

— Что-то классическое, — я прислушался.

Напряжение спало, как будто дешёвая полифония коснулась головы и ласково взъерошила влажные от пота волосы.

Мелодия прекратилась. Осталась тишина.

Уже не надеясь на успех, я спустился на первую ступень и уверенно, на прощание, надавил на звонок ещё раз. Мелодия повторилась, но прежнего уже эффекта не произвела.

Я прислушался. Лёгкий шорох за дверью, скрип, видимо,

второй двери, внутренней.

В глазке мелькнуло, и снова стало темно. Кто-то встал за металлической перегородкой.

Я замер.

— Ну же! — Взмолился я, чтобы она наконец открылась.

Щёлкнул замок, раз, другой. Проём разрежала щель света, сначала узкая, затем всё шире и шире. А я всё так и стоял на ступени.

Дверь открылась полностью, и проём высветил невысокую чуть полноватую фигуру.

Сначала я увидел только контур. Спустя мгновение разглядел розовые пушистые тапочки, голые лодыжки, а дальше только халат на молнии: красные бутоны вперемешку с мелкими зелёными листиками и стебельками.

Халат закончился невыразительной короткой шеей, на которой уютно расположилась маленькая голова с пепельными волосами, стянутыми в пучок на затылке, небольшим слегка курносым носом, парой светло-серых, почти бесцветных глаз. Весь этот образ был перечёркнут сетью мелких морщин.

Кажется, я знаю, как её зовут.

— Маргарита Егоровна? Здравствуйте! Я Сергей, друг Вадима. Вот, к нему пришёл. Он не предупреждал? Вот даёт! Он дома? — Только сейчас я понял, что еле заставил остановиться поток слов, вылившийся на неё.

Она смотрела не на меня, а на площадку перед дверью.

Своей тирадой я привлёк её внимание.

Голова самостоятельно повернулась в мою сторону.

— То ли цвет глаз такой, то ли она сквозь меня смотрит. Может, рукой помахать? Слепая? Вадик ничего не говорил, — я нервно переступил с ноги на ногу.

Она кивнула, медленно развернулась и, не обращая на меня внимания, направилась вглубь квартиры, напрочь забыв, что дверь нараспашку.

— Видимо, он дома, — пробормотал я и переступил порог.

Я решил не закрывать входную дверь на замок, а просто прикрыл её. Не знаю почему, но ничего поделаться с собой не мог.

Куда идти дальше? У Вадима я не был, обычно мы встречались на улице, когда я подъезжал.

За порогом мой нос учуял что-то прокисшее или подгнившее. Или одновременно. Словно пованивал не вынесенный вовремя мусор и высыхала давно немытая посуда.

Прямо напротив входа небольшой коридор на кухню. Свет из кухонного окна ничего не сдерживало, и он старательно освещал помещение везде, куда мог дотянуться.

В этом же коридоре ещё дверь, узкая.

— Наверное, санузел, — решил я про себя.

На кухне мелькнул халат, раздался стук переставляемой посуды.

— Нет, туда я не пойду, — я сглотнул тяжёлый комок.

Налево был другой коридор, чуть длиннее. В его середине располагалась очередная дверь в комнату, закрытая, а заканчивался он большой комнатой.

Я посмотрел на свои кроссовки.

— Разуваться не буду, — и направился в большую комнату. — Вадим, ты тут? — Казалось, мой шёпот загредел, как пустой кузов грузовика на кочках.

Мысленно сжавшись, я ускорил шаг. Передо мной маячили мошки.

— Да что за помойка?! — Я осмотрел комнату и увидел ещё одну дверь (ну конечно!) с врезанным замком. — Он должен быть тут.

Она была приоткрыта, я потянул на себя полотно, взявшись за круглую, подвижную ручку. Приготовился к кошмару.

Комната была маленькой, метров семь-восемь квадратных. Вытянутая, налево от двери окно, завешанное плотными шторами, между которыми пробивался день, поднимая пыль.

У левой же стены комнаты стояла односпальная кровать, а справа громоздился старый письменный стол с чернеющим экраном компьютерного монитора. За столом на вышкуренном советском деревянном стуле сидел Вадим. Он не спал и смотрел в прямоугольник смартфона, который безжизненно лежал на столешнице.

— Вадим, — тихо позвал я, — привет, друг.

Молчание. Он не шевелился, только мерное движение его грудной клетки, заметное на его любимой футболке с нестареющим Че, уверяло, что он жив.

— Может, всё-таки спит? — Я начал сомневаться в своих ощущениях. — Нужно подойти и разбудить.

Эти четыре шага я крался. Вплотную подходить не стал.

Протянул руку и коснулся его правого плеча.

— Похудел? — промелькнуло в голове.

Он резко вздохнул, воздух со свистом заполнил лёгкие. Я быстро отступил назад, прижав ту самую руку к груди. Сердце пропустило удар.

Он поднял голову и посмотрел в мою сторону. Несколько секунд ничего не происходило, затем его глаза зашевелились и уставились на меня, не узнавая.

— Вадим, прекрати! Я сейчас тресну тебе, ты забесил уже, блин! — Я решил идти в атаку.

Вдруг его взгляд ожил, и губы медленно растянулись в улыбке.

— Серёга, — прошептал он и закашлял.

— Ты меня до чёртиков напугал! — Я уже не мог сдержать накопившееся давление и начал перекладывать на него свой недавний страх и неловкость. — Вы что тут устроили?!

Он попытался встать, но не смог. Ухватился за столешницу двумя руками. Я бросился помогать.

— Блин, похоже, ноги затекли. Задумался я что-то и не заметил тебя даже, — вдвоём мы оторвали его от стула.

Неожиданно он резко повернулся ко мне и обхватил меня за локти.

— Ты принёс?! — рыча, выпалил он.

— Что? Ты о чём? — Я попытался вырваться, но он держал крепко, как тисками.

— Их принёс? Я же просил тебя, писал час назад! — Он начал трясти меня с неожиданной силой.

— Да о чём ты? — Я наконец вырвался и разорвал дистанцию. — Я тебе два дня дозвониться не могу!

Он остался стоять с протянутыми в мою сторону руками. Спустя мгновение быстро заморгал и опустил руки. Повернулся к окну.

— Что темно-то так... — Подошёл, переваливаясь с ноги на ногу, и начал неуклюже раздвигать шторы, впуская в комнату спасительный свет.

Он стоял и смотрел в окно. Я стоял в стойке, готовый к следующему нападению. Через минуту до меня дошло, что в квартире есть ещё человек. Я отступил в угол, чтобы контролировать обоих, но хозяйки не было видно.

Вадим отступил от окна и тяжело сел на кровать. Посмотрел на меня, снова улыбнулся.

— Прости, Серёг, психанул. Пара дней, говоришь? А какое сегодня число? — Он был похож на настоящего Вадима.

Я выдохнул и расслабился.

— Семнадцатое сегодня. Июля. Ты смены не поставил, на работу не выходил, телефон молчит. Я не знал, что делать,

решил к тебе заехать, — я не спешил подходить к нему.

— Ох, ё, — он схватился за голову и склонился к коленям, — вот дурень я, Серёг, дебил просто.

— Да что случилось-то? — Мне срочно нужны были ответы, чтобы остаться, а не драпануть оттуда.

— Да ты понимаешь, — он не менял позы, — я же попробовал наш продукт.

Я слушал. Что-то такое подозревал, но...

— Много кто из наших пробовал, и я пытался, да не судьба, — напомнил я ему.

— Да ты вообще уникам. Я сначала думал, что ты браковки взял, а когда и после четвёртой никакого эффекта и изделия не рассыпались, то понял, что на тебя не действует, — он выпрямился.

Я решил, что Вадим вернулся, и подошёл к нему, сел рядом.

— Так что с тобой произошло? — Я слегка толкнул его плечом в плечо.

Напряжение ушло, осталась только едва уловимая дымка адреналинового коктейля в венах, как пыль в воздухе — если не присматриваться, то и не видно. Руки потряхивало.

— Ну, я, наверное, по-дурацки выгляжу, да? — Он начал вводить тему. Заметно было, как Вадиму неловко.

— Вадик, все мы пробовали хоть раз отказные. Кто-то играл и заказывал, вон как Жека, кто-то друзей, знакомых просил. Что ты рассусоливаешь тут? — Я решил, что так точно

поддержу его.

Он уставился в стену напротив и замер. Может, переваривал мою грубость, может, вспоминал, как он довёл себя до такого состояния.

— Я тоже начал с отказных, — он вновь заговорил, но глухо, как будто издалека. — Потом играть начал. Кстати, серьёзно так прокачался и без донатов. — Взгляд продолжал упираться в стену напротив. — Сначала выборочно: радость, там, счастье, лёгкая меланхолия, а потом уже не разбирал.

— Это когда — «потом»? — Я понял, что решительно проглядел изменения его состояния.

— Семнадцатое сегодня? — Я кивнул. — Значит, недели две.

— Вадим, у нас же есть постоянные, которые часто заказывают, они же нормальные... Вроде, — на самом деле я не был в этом уверен.

— Да откуда ты знаешь? — Словно прочитав мои мысли, вставил он. — Ты их видишь пару минут и всё, к следующим. Сервис-то этот работает от силы пару месяцев.

Он прав. Слишком мало времени для анализа статистики. Однако вот, рядом со мной сидит тот, кого эта жажда эмоций чуть не погубила.

— Что делать будем? — Я решил, что надо нам вместе придумать план спасения.

— Не знаю. Похоже, план придётся придумывать мне. Что ж, не стану с этим тянуть.

— Помнишь, чего ты хотел добиться? Ты из глубинки, прогрыз себе бюджетное место в престижном вузе, учишься хорошо, на тебя равняться надо. Сколько планов было, помнишь?

Он ухмыльнулся.

— Психолог из тебя, Серёга, как из бегемота породистый скакун.

— Э, ты зря это на бегемотов. Они хоть и выглядят по-особенному, но и лошадь поди догонят, если разозлятся, да ещё и перекусят пополам. А лошадь твоя что? Ничего! — Я победно поставил точку в споре.

— Не лошадь, а породистый скакун. Вот всегда с ним так. Не переспорить.

— Кстати, а что с хозяйкой твоей? Она тоже попробовала? — Осталась последняя загадка.

— А что с ней? — Не понял он.

— Да как кукла, я тебе говорю, точно из неё всё вынули, и осталась оболочка, — меня передёрнуло от воспоминаний на лестнице.

Он осмотрелся, встал, подошёл к столу, оглядел его, открыл два имеющихся у стола ящика, потом дошёл всё ещё ломаной походкой до платяного шкафа, который стоял в нише за дверью.

— Надо же, — Вадим удивлённо посмотрел на меня. — Пусто.

— Ты о чём? — Ни одной фигурки нет. Видимо, когда я

отключился, она взяла одну и понеслась...

— Ё-п-р-с-т, — я понял, что случилось. — Вот это попадос. — Я вдруг вспомнил про то, как он про неё рассказывал. — Вот теперь ты точно сможешь за ней ухаживать, и квартира твоя! — Шёпотом выдал я.

Он сверкнул глазами и начал расхаживать вдоль по комнате.

— Нет, ты представляешь! Всё забрала старая!

— Тише ты, услышит же, — я попытался его остановить.

— Нет, погоди. Это что за натура такая? Дрянная! Я, значит, ей тут краны меняю, лампочки там вкручиваю, розетку переносил... — Он остановился. — Здоровоюсь всегда, — продолжил ходить. — Вежливый, а она в вещах чужих роется!

Меня уже начало потряхивать от сдерживаемого смеха.

— Квартира, говоришь? — Он не унимался. — Да она мне три таких должна. — Вадим рубанул рукой воздух перед собой. — А знаешь?!

— Что?

— Хочешь чаю? Я так чаю хочу. Пить хочу. Есть. Вечность не ел! Жрать хочу, вот! — Он вопросительно уставился на меня.

Я вспомнил запах, с которым столкнулся, переступив порог этого жилища, представил, что творится на кухне, и мысленно содрогнулся, но нужно поддержать друга.

— Давай чай. Пойду пока руки помою. Ванная возле кух-

ни?

— Да-да, возле, — он уже выходил из своей комнаты. — Иди мой, а я согрею. Чаёк-то.

Я отправился следом за ним, уже не замечая мошкару.

— Подумаешь, разберёмся, — усмехнулся я своей брезгливости.

Вадим уже был на кухне. Заходя в ванную, я слышал, как он спрашивает хозяйку, которая, видимо, так и находилась в кухне:

— Маргарита Егоровна, вы как? Всё хорошо?..

Дальше я уже не слушал, довольный тем, что моя спасительная операция завершается успешно. Всегда приятно побеждать.

Ванная оказалась совмещённым санузлом.

Выглядела довольно симпатично: голубой и синий кафель удивительно дополняли друг друга, пахло освежителем — я заметил его за бачком, автоматический.

Большая раковина рядом со стандартной чугунной ванной намекала на некое стремление хозяина квартиры к достатку, но этот путь ещё только начат.

— Породистый скакун, — вспомнил я, открыв смеситель и с удовольствием погрузив руки в поток горячей воды.

Тщательно намылив руки, смыл. Огляделся в поисках полотенца. На сушителе висело два.

Подумав мгновение, я просто потряс руками и отправился пить чай.

Выйдя из ванной, я взглядом наткнулся на голые щиколотки без тапок. Тапки как раз были разбросаны рядом. Щиколотки подергивались.

За углом слышалось сопение и бульканье.

— Что за... — Я кинулся на кухню и застыл, не веря своим глазам.

На полу, на спине, лежала хозяйка квартиры, а верхом на ней сидел Вадим и деловито сжимал её горло — от этого я и услышал эти странные звуки.

На шум моего вторжения Вадим обернулся и улыбнулся во всю ширь:

— Серёга! Помыл уже руки? Красава! А я чайник поставил! — Он, не отрываясь, смотрел мне в глаза. — А ты прав был, надо позаботиться о Маргарите Егоровне! Теперь вся квартирка моя будет! Вы же не против, Маргарита Егоровна? — Продолжая сжимать её горло, он наклонился пониже, будто пытался расслышать шёпот.

Странно было, что она даже не сопротивлялась

— Серёга! Теперь будешь приходить ко мне почаще, да?! — Он вновь вернул мне свою улыбку.

Я не понимал, что делаю. словно наблюдал за происходящим со стороны. Увидел, что кинулся к нему, сбил его с неё. Он отлетел, будто ничего не весил.

Я попытался поднять её с пола, хлопал по щекам, пока Вадим барахтался, запутавшись в табуретах. Он что-то кричал, кажется, смеялся, но я слушал только писк — тот самый

писк домофона.

Пытаясь поднять старушку, я почувствовал, что правая рука нащупала что-то мокрое и тёплое. В нос ударил запах железа.

Подняв руку, я увидел, что из правого бока Маргариты Егоровны торчит рукоять кухонного ножа.

Тут на меня обрушился хохот Вадима, который наконец выпутался из опрокинутых кухонных табуреток и поднимался во весь рост. В руке его был другой нож — тонкий и длинный.

Я бросился в коридор к двери, резко распахнул её, оставляя скользкие кровавые следы.

Кубарем скатился вниз по лестнице, всё ещё слыша хохот из «трёшки».

Вадим не преследовал меня, но паника гнала дальше.

Выбив дверь подъезда своим телом — потому что в потёмках не увидел кнопку, которая обесточивает электромагнит, — я выскочил на улицу, пугая редких прохожих, пробежал мимо машины, не разбирая дороги.

Остановился только спустя пару кварталов, лоя ртом воздух и окончательно испортив чужой кровью светло-голубые джинсы.

Глава 5

Кабинет, в котором я находился, ничем не напоминал демонстрируемые в кино специальные помещения для допросов. Вытянутый от двери до окна.

Два стола, из которых сложилась буква «Т», занимали почти всё пространство: бетонный пол, инкрустированный кусками мрамора, стены, обшитые окрашенным гипсокартоном и явно не предназначенные для того, чтобы их царапали стульями — следы стычек с мебелью указывали на её активное использование.

С меня сняли наручники часа два назад, но запястья всё равно ощущали фантомную тяжесть и давление металла.

Я сидел на офисном стуле и облизывал разбитые губы. Неудачно приложился, когда меня крутила полиция.

Запах бумажной пыли забился в нос — ужасно хотелось чихать, слезились глаза.

— Хорошо, что не сопротивлялся, — убеждал я себя, — не люблю боль.

Пол кабинета вдоль стен был заставлен коробками с какими-то бумагами, папками. Некоторые коробки стояли одна на другой, представляя из себя импровизированные башни крепостных стен.

— А я, значит, внутри донжона, — мозг от переизбытка событий нырнул в иллюстрированный мир баллад о средне-

вековых лордах и всяких благородных оборванцах с луками.

— Кто я? Лорд или Робин Гуд? — Это единственная мысль, которую я безрезультатно отгонял от себя.

Слева от меня, во главе креста из столов, сидела женщина.

— Есть ли название у верхней части креста, которая над перекладиной? — Я решил обязательно выяснить это, как только отпустят.

Русые волосы средней длины, собранные в жидкий хвост. Отсутствие макияжа на бледном, заострённом лице. Тонкие губы идеальной горизонтальной чертой отделяли узкий подбородок от прямого носа. Странные, невозможные большие зелёные глаза.

Она казалась бы даже симпатичной, если бы не большая светлая родинка на левой скуле.

Далее шла тонкая шея, обрамлённая полицейской формой, украшенной званием «майор».

— Лет сорок, — оценил я и посмотрел на руки, пляшущие по клавиатуре, как по клавишам фоно. — Странно видеть женщину без маникюра.

Напротив меня располагались двое мужчин в штатском. Ещё один расположился за мной, правее и немного позади, у стены; его руки были заняты канцелярским шилом с деревянной ручкой. Он сосредоточенно ковырял им под ногтями.

Мужчина прямо напротив, в странном тёмно-красном костюме, облокотившись на стол, увлечённо водил пальцами по экрану своего смартфона.

— Играет, что ли? — Мысленно отметил я.

Тот, который рядом с ним, показался мне совсем молодым, чуть старше меня самого. Он лениво крутил пальцами дешёвую зажигалку и время от времени поглядывал в окно.

— Ваши фамилия, имя, отчество? — Тонкие губы выпустили фразу и снова сомкнулись.

Я не знал, как себя вести, что говорить, в чём убеждать, от чего отказываться. С момента моего задержания я не услышал вопросов — только констатацию факта, который был озвучен дородным сотрудником, упёршимся мне в спину коленом:

— Ах ты, сучара! — И щёлкнул кольцами наручников.

Я назвал себя.

— Год рождения? — Она впечатывала мои данные в компьютер.

Назвал. Место регистрации и место жительства тоже.

— Номер телефона? — Продиктовал.

— Такие простые вопросы, — решил я про себя, — какой-то унылый протоколизм. Неужели они ещё не установили мою личность?

— Гражданство?

— Российская Федерация.

— Образование? — Она неустанно добивалась от меня тех сведений, которые и так не были секретом.

— Учусь ещё. В вузе. Перешёл на второй курс, — я посмотрел на неё.

Мужчины же продолжали заниматься своими делами.

— В каком? — Её не заинтересовали мои достижения.

— Специальность? — Она задала следующий вопрос, но убрала руки от клавиатуры. Видимо, не протокольный вопрос.

— Юридический факультет, — невпопад ответил я.

— Значит, неоконченное высшее, — она поставила точку в этой теме.

— Разве такое бывает? — Неожиданно вопросы начал задавать я.

Она впервые обратила на меня внимание и с интересом заглянула в глаза.

Меня сковал её взгляд. Я не мог отвернуться или моргнуть.

— А может, это тоже игра? — Мысли нестройно заскакали в моей голове. — Но зачем? Я же ничего не скрываю!

Мужчина напротив быстро посмотрел сначала на меня, потом на своего соседа и опять вернулся к телефону.

— Что вы хотите сказать? — Она устало положила локти на стол и навалилась на них, словно я ляпнул что-то очень глупое, и она только из природной вежливости поддерживает беседу, а так бы уже давно ушла.

— Я просто не понимаю, что значит «неоконченное высшее образование»? Это какой-то особый статус? Такой человек образованней окончившего школу? Или, наоборот, недоучка?

Для чего был затеян этот диалог, я и сам не знал. Просто что-то свербело во мне, какая-то жилка упрямо билась в сознании и требовала заявить о том, что я человек! Гражданин! У меня есть права! Я ни в чём не виноват! Я жертва!

— А как вы считаете? — Она не изменила позы, но изменился тон — стал словно участливым, но глаза заволокло туманом.

Не зная, что ответить, я замолчал. Она подождала немного, потом, разочарованно (я надеялся, что не безразлично), вернулась к своему компьютеру.

— Семейное положение?

— Холост, — я не удержался и шмыгнул носом. Бумажная пыль.

— Место работы?

— Курьер в ООО «Кораблик».

— Военнообязанный?

— Ну да, кафедра у нас...

— Судимость?

— Нет.

— Со слов — не судим, — проговорила она себе под нос.

— Ну, это дело поправимое, — она легко улыбнулась, а меня прошиб холодный пот.

— На учёте нарколога, психиатра состоите? — Не глядя на меня, спросила она.

— Нет, конечно.

— Со слов — не состоит, — она закончила вводную часть

протокола.

— Вам понятно, почему вы задержаны? — Теперь она смотрела на меня гораздо пристальней и пронзительней, что ли.

— Я был... Оказался... Ну... Человека убили... Или она жива? — Эта идея только сейчас осенила меня. Точно! Она же могла выжить! Точно выжила!

— Подозреваемому Громову Сергею Константиновичу объявлено, что он подозревается в совершении семнадцатого июля две тысячи двадцать восьмого года убийства гражданки Филипповой Маргариты Егоровны в квартире 77 дома номер 113 по улице Верности города Санкт-Петербурга, то есть в совершении преступления, предусмотренного статьёй 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, — всё это она проговорила чётко, рублено, словно заученный текст.

— Как убийство? — Не понял я. — А... А как же Вадим? — В висках застучало.

— Сергей Константинович, что вы можете пояснить относительно произошедшего? — Она не обратила внимания на мои сбивчивые реплики, не сводила с меня глаз и, казалось, даже не моргала.

Сидевший напротив молодой сотрудник уставился на меня, нагло улыбаясь.

Я собрал осколки мыслей и принялся рассказывать всё, что происходило в квартире старушки. Всё, что помнил. Только вот про «сувениры» умолчал — неизвестно, что они

подумают, расскажи я им, что куски пластмассы — это какие-то фантастические сгустки эмоций. Я и сам не понимал до конца, что это такое.

Меня слушали, не перебивая. Майор набирала мою историю в компьютер — клавиатура так и шелестела.

— ...Вот, я и убежал, — выдохнул. Мне даже полегчало немного после того, как я вывалил на них свой страх и пережитый ужас.

После небольшой паузы, во время которой она перечитывала напечатанное, снова вернулась к вопросам.

— Сергей, давайте ещё раз. Уточним. Что вы делали сегодня, семнадцатого июля две тысячи двадцать восьмого года, по адресу: город Санкт-Петербург, ул. Верности, дом 113, квартира 77?

— Друга навещал.

— Кого? — Она снова уставила на меня оба ствола своих глаз.

— Мещерякова Вадима... — Я совершенно забыл его отчество.

— Как давно вы знакомы с Филипповой Маргаритой Егоровной? — Удовлетворившись ответом про Вадима, она продолжила методично вбивать свои вопросы в компьютер.

— Я... Мне... Да вот сегодня только. Увидел. Впервые... — Комок в горле снова не дал заговорить. Перед глазами возникли судорожно дёргающиеся голые щиколотки. И разбросанные тапочки.

— Вы поняли вопрос?

— Да.— Ответьте, как давно вы знакомы с Филипповой Маргаритой Егоровной?

— Сегодня.

— Семнадцатого июля две тысячи двадцать восьмого года?

— Да.

— Что по указанному адресу делал, — она сделала паузу, выискивая в мониторе что-то, — Мещеряков Вадим? Ваш друг.

— Жил, — ответил я, разглядывая свои ногти на правой руке. — Что это под ними? Грязь? Или...

— Проживал совместно с Филипповой?

— Что? — Я на мгновение отвлекся от охвативших меня липких воспоминаний. — Нет! Комнату снимал.

— Как давно вы знакомы с Мещеряковым Вадимом? — Допрос продолжился.

— Мы учимся вместе, с сентября прошлого года знаком.

— Как с ним связаться? Номер телефона? Какой-нибудь ещё адрес?

— Номер я не помню, в телефоне записан... Где он ещё может быть... Не знаю...

— Вы с ним вместе убивали Филиппову?

— Что? Я никого не убивал! — Она наморщила носик.

— Телефончик у вас с собой? — Вновь отложив клавиатуру, заинтересованно спросила она.

Как ни странно, его не изъяли при задержании.

— Ну да...

— Не доработали, — о чём-то своём пробормотала она.

— Будьте добры, Сергей, посмотрите номер вашего товарища в телефоне.

Я полез в передний карман джинсов, попутно отметив, что на них какие-то пятна, и быстро, опережая мозг, пока он не начал объяснять их природу появления, разблокировал экран и продиктовал им номер.

— Отлично, Сергей, — она повернулась к молодому, и тот, кивнув, встал и вышел из кабинета, — а вы можете дать нам посмотреть ваш телефон? Чтобы убедиться, что вы правильно назвали номер.

Я немного помедлил. Не хотел никому отдавать единственный способ связи с родными. Я вообще не люблю расставаться с личными вещами. Да и денег на новый не было.

— Я всё правильно вам назвал.

— Сергей, если добровольно отказываетесь, то мы сейчас его просто изыдем. — Она продолжила давить.

Я решил, что не зря учусь на юрфаке, и выдал:

— Так понятые нужны.

— Ничего-ничего, и без них изыдем. С помощью технических средств фиксации. Не рассказывали вам об этом в вашем «вузе»? — Подчёркнуто выделив статус учебного заведения, она весело улыбнулась и принялась что-то печатать.

Через минуту распечатала какую-то бумагу, взяла свой

смартфон, включила видео.

Дальше — как в тумане: она что-то говорила, спрашивала, потом я подписывал этот свежераспечатанный лист бумаги.

— Выемка, — отметило сознание из всего набора букв на листе.

— Значит, не убивали? — Её голос лучился жизнерадостностью, словно очередное унижение меня доставило ей удовольствие.

— Нет, конечно... — Устало ответил я, и тут до меня дошло. — А Вадим, что, не у вас?

— Так, ребята, я пойду покурю, посидите тут.

Она резко отодвинулась от стола, легко встала и с уверенной улыбкой упорхнула из кабинета.

Как только дверь за ней закрылась, сотрудник, сидевший справа от меня, поднялся со стула и, вертя шилом, совершенно молча прошёл мне за спину. Я напрягся в ожидании боли, но краем глаза заметил, что он выплыл уже слева и направился к окну за спиной майора. Жалюзи были раздвинуты. Он что-то высмотрел за окном, развернулся и стал ходить за моей спиной. Мне вдруг стало холодно, пальцы начали замерзать, несмотря на кабинетную духоту.

Другой, который в костюме, подал голос, напомним о своём существовании:

— Кхм, — он прочистил горло.

Потом резко наклонился вперёд через стол, ближе ко мне, заставляя меня попытаться разорвать дистанцию, но мне по-

мешал тот, что за спиной. Видимо, упёрся в стул.

— Сергей Викторович! Вам не кажется, что вы попали в серьёзную переделку?

Тут меня прорвало. Какого чёрта они устроили?

— Переделку?! — Заорал я, чем вызвал лёгкое удивление у костюма, который чуть приподнял брови и слегка качнул головой своему напарнику.

Я мимолётно подумал, что только что избежал оплеухи, но остановиться уже не мог.

— Это игры у вас такие?! Я что сделал? — Перестав думать о последствиях, я вскочил на ноги. Вышло это нелепо, потому что стул не сдвинулся и я замер на полусогнутых. В ушах был слышен только тот самый писк. — Я же сказал, что к другу приехал! А он того... — Я осёкся, слух вернулся, эхом отдаваясь в черепе.

Костюм смотрел на меня, не моргая.

— А он, — хриплым сухим голосом продолжил я, — убил...

Тишина кабинета, и только лёгкое чириканье птиц за окном. Открылась дверь — я ожидал увидеть майора, но вошёл невообразимо высокий мужчина. Он был худ, словно молодой яшень: лысый, крупные валики густых бровей, жилы желваков, твёрдый, резко очерченный подбородок, орлиный нос и карие, почти чёрные глаза. Конечности его напоминали ветви дерева — узловатые, тонкие, но, должно быть, очень крепкие.

Он ни с кем не поздоровался и не посмотрел на сотрудников. Его глаза с интересом препарировали меня, словно лягушку.

Костюм и тот, что с шилом, молча уставились на него и замерли.

Он пошёл в мою сторону, не обращая на них внимания, остановился у края стола, сложил руки на груди, слегка отклонился назад.

Он заговорил, и его голос густым басом, словно рычанием, заполнил кабинет. Но не это меня потрясло. Его вопрос мгновенно остудил мой праведный порыв:

— А вы, Сергей, привезли вашему другу что-нибудь?

Я так устал, что без сил опустился на стул.

Глава 6

Он ждал моего ответа. Я молчал. Мне надоело оправдываться. У меня забрали телефон, а теперь ещё и свободу хотят забрать.

Сложив руки на груди, закрывшись от них всех, я упёр взгляд в столешницу, выискивая на ней вмятинки и щербинки.

Краем глаза я наблюдал за новым мучителем — про себя решил называть его Ясень. Не дождавшись от меня ни слова, он всем телом развернулся к любителю канцелярских колющих предметов.

— ФСБ? — бросил Ясень.

— Ну и? — словно выплюнул тот в ответ.

— Что забыл тут?

— Тебе какое... — растягивая слова, начал лысый.

— Выйди. Не твоя компетенция, — обрубил его Ясень.

— Да ты ох... — возмутился лысый, но не успел закончить, как заговорил костюм.

— Миш, не кипятись, выйди, пожалуйста, — и он кивнул в мою сторону.

Лысый Миш бросил полный ненависти взгляд на Ясеня, кинул шило в коробку со стороны костюма, попал. Вышел, хлопнув дверью. Но с той стороны.

Как бы я ни был рад тому, что лысого турнули вон, всё

равно заёрзал на стуле. Хотелось тоже скорее уйти и оставить их разбираться самим. Ясень теперь нацелился на костюм.

— Биологию взяли? Пальчики?

Костюм замялся и отвёл глаза в сторону.

— Да на кой, Ярослав Фёдорович? Вся биология на нём вон. Никуда не денется, гляди, и под ногтями... — Я судорожно спрятал руки под стол и сжал кулаки. — Пальцы не брали ещё.

— Хорошо, что не взяли. Юля где?

— Курить вышла.

— Разминаетесь? — Ясень ухмыльнулся.

— Да работаем мы. Тут и так ясно всё, — повысив голос, ответил костюм.

— Саня, не тренди.

Костюм замолчал и уставился на меня. Кажется, он рассердился.

— Он подписал у вас что-нибудь? — Ясень прошёл мимо меня к рабочему месту майора.

— Ярослав Фёдорович, секретно же, — указал костюм на единственный компьютер в кабинете, — сейчас придёт она, сама решит: показывать или нет.

— Александр, я тебя давно знаю, — Ясень тяжело уселся в кресло перед монитором, — ты всегда быстро соображал. Уверен, что помешаешь мне?

Костюм отвернулся.

— Ну вы хоть при задержанном-то не начинайте, — Алек-

сандр отвернулся от Ясеня и принялся отстукивать пальцами по столу какой-то ритм.

— Ага. Задержанный, значит. Знаешь, это даже хорошо, что вы сегодня так халявите, хотя шеф ваш, наверное, будет другого мнения, ха, — усмехнулся собственной остроте Ясень.

Полицейский досадливо хлопнул по столу ладонью, прервав невесёлый мотив, которым пытался успокоить свои нервы.

— Мы хорошо работаем. Нашу группу сорвали сегодня, Миша, — он махнул головой в сторону двери, — посодействовал. Торопились. Сами только из командировки.

— А почему он слился тогда так быстро? — Ясень выглянул из-за монитора, чтобы увидеть оппонента.

Полицейский вдруг довольно улыбнулся и расслабленно откинулся на спинку стула:

— Так докладывать пошёл.

— Ждали меня, значит? Артисты, — Ясень вернулся к изучению монитора, не выразив никакого удивления.

— Вы же сами сказали, что я быстро соображаю, — позёвывая, костюм достал свой телефон, повернул его горизонтально и принялся в нём что-то энергично выводить двумя большими пальцами.

Следующие несколько молчаливых минут я судорожно соображал, что мне делать. Так ничего и не придумав, решил, что стоит ещё подождать, даже затаиться — вдруг про

меня забудут?

Дверь снова открылась. На этот раз вернулась майор. Я прикинул, сколько она отсутствовала. По моим ощущениям, прошло минут десять.

Захлопнув дверь, она, покачивая бёдрами, обтянутыми казённой юбкой, подошла к основанию «Т» — к столу — и, навалившись на столешницу обеими руками, упёрла свои невероятные глаза в Ясеня.

— Добрый вечер, Ярослав Фёдорович. Задержались вы. Пробки?

Я мельком глянул на Ясеня: из-за монитора выглядывали глаза и лоб, словно бегемот из болота.

— Милая Юлечка! Какие пробки в субботу вечером? Чаёвничал с вашим начальником, вот, заболтались.

Она не изменила позы, а его макушка снова скрылась за кромкой монитора.

«Он там складывается, что ли? — удивился я такой пластичности Ясеня. — В нём же метра два!»

— Юленька, девочка, присаживайся на свободное место, в ногах правды нет, — раздалось из-за монитора.

— Не поясничайте, Ярослав, — устало ответила она и присела на свободный стул рядом с Александром. Тот с интересом наблюдал сцену, иногда поглядывая на меня. — Возраст должен мудрость прибавлять, а вам только язва досталась.

— А ты вона какая стала, — Ясень поднялся во весь рост,

только она присела. — Дерзишь! Уважаю.

— За чаем договорились хоть?

— Конечно! Ваш начальник, Алексей Иванович, человек приличный, ему показатели портить ни к чему, у него в рай-оне, как в монастыре — тишь да благодсть, — он отвернулся и подошёл к окну, — а всё от чего? Потому что вы тут. Такие замечательные.

Александр фыркнул. Юлия закатила глаза. Я хотел уже за-ползти под стол.

— В первую очередь, хочу выразить вам благодарность!
— продолжил Ясень.

— В первую очередь, — перебила его майор, — произо-шло убийство. Я не знаю, как вы так быстро сориентирова-лись, но у убитой есть родные и близкие. Раз уж забираете у нас работу, то в придачу и ответственность за неё, — поли-цейский одобрительно кивнул.

Ясень опустил плечи, словно держал в каждой руке по тя-желённой гире.

— Не беспокойся, — произнёс он, — всё...

— Я не беспокоюсь, — процедила сквозь зубы майор, — есть закон. Парень был там, его нельзя отпускать, пока не будет доказана его невиновность.

— Я ознакомился с протоколом, — отрезал Ясень. — Ин-струкции вам дали конкретные. За это ответит тот, кто дол-жен, даже не сомневайся. — Он погасил спор. — Ты меня знаешь.

Она на пару секунд закрыла глаза, словно пыталась сдержаться.

— Юль, вы же не регистрировали его у дежурного? — Ясень прекратил разглядывать пространство за окном и подошёл ко мне.

— Ярослав, как было нужно, так и сделали, — отрезала она. — Не надо крутить тут дурака. Забирайте парня и валите, а то передумаю. Может, мне за него и благодарность дадут?

— Дадут, дадут, Юленька, — поспешно выпалил Ясень, — Саня, а Миша-то припомнит тебе этот коленкор. Может, помочь? Мстить будет.

— Разберусь, — буркнул Александр. — Вы только больше не лезьте к нам. Дел и так хватает.

— А это не мне решать, Сашенька, не мне. И не вам, — Ясень положил мне руку на правое плечо. — Ну что, Сергей? Натерпелись? Пойдёмте со мной. Ах да, товарищ майор, — на старый лад обратился Ясень, — телефончик отдай парню, пожалуйста. Мы же не хотим, чтобы его искать начали. — Он слегка толкнул меня в плечо, чтобы я встал.

Майор оглядела нас обоих в последний раз, немного задержалась, буравя меня глазами, которые напротив естественного света превратились в яркие зеленые диоды, тяжело поднялась и, обойдя меня с Ясением, подошла к своему столу. Вынула из ящика бумагу — я узнал её, протокол выемки, — мой телефон и протянула оба предмета Ясеню.

— Бери, — это он мне.

Непослушными пальцами я забрал, едва не выронив, телефон и протокол.

Увидев, что телефон забрал я, она прикусила нижнюю губу и вынула из того же ящика мой кошелёк и брелок с ключами от машины.

— Валите, — попрощалась она.

— Не прощаюсь, коллеги. Если найдёте этого Вадима, не стесняйтесь, семафорьте, — и, довольный собой, взяв меня под локоть, чтобы я на негнущихся ногах ненароком с позором не упал, он вывел меня в коридор.

Уже начало темнеть. Мы прошли по полупустым коридорам к тесной, словно прижавшейся к стене лестнице. Он отпустил мою руку и шёл чуть позади, жестами указывая направление. Спустившись на несколько пролётов, мы оказались у тяжёлой стальной двери с тяжёлым засовом и врезным замком. Засов был открыт. Справа на стене располагался электронный замок, к которому Ясень приложил чип-карту. Магнит отключился, и он толкнул дверь. За ней оказалось небольшое помещение, с одной стороны огороженное застеклённой перегородкой с надписью «Полиция» и вваренной в стены решёткой с калиткой.

Когда меня привезли, то заводили меня с другого хода. За перегородкой сидел полицейский. Он внимательно посмотрел на нас, что-то прочитал на лице Ясеня и молча разблокировал следующую дверь.

А за ней был летний вечер.

Оказавшись снаружи, пусть формально ещё на территории участка, я глубоко вдохнул, с наслаждением прикрыв глаза, и остановился.

Ясень меня не торопил, стоял рядом, наблюдал. Дождавшись, когда я открою глаза, он показал на припаркованный у входа чёрный внедорожник:

— Садись назад.

— Мне нужно позвонить. Адвокат нужен.

— Садись, поговорим, потом решишь: нужен или нет.

— Я свободен?

— Свободен? — Он словно попробовал слово на вкус, потом заглянул мне в душу глазами, которые при естественном свете казались чёрными провалами. — А ты был свободен?

— Что за... Конечно! — Я крепился, пытаюсь выдержать этот взгляд и не побежать.

— Нет. Это иллюзия, — едва открывая рот, одними губами подчеркнул он, — твоя жизнь — иллюзия. Твои мысли, мечты, страхи — иллюзия и пища.

— Пища? — В шоке зацепился я за это слово, мгновенно осознав, что совершенно голоден.

— Садись в машину, — он закончил ломать меня и снова показался мне... человеком?

Я мгновение боролся с желанием послать его подальше, но всё же подчинился. Мне нечего скрывать.

Мы разместились с ним на заднем сиденье. За рулём сидел

другой человек.

— Прежде чем мы поговорим, скажи, куда тебя отвезти?
— неожиданно предложил Ясень.

Я немного опешил и хотел уже назвать адрес, где живу, но вспомнил, что машина осталась там... где я её оставил... Я глухо произнёс:

— Улица Верности, дом 113.

Ясень удивлённо воззрился на меня, задрал брови чуть ли не на темечко. До меня дошло, что я ляпнул.

— Там машина осталась моя! — Протараторил я

— А-а-а, — выдавил он, — Вить, давай, куда он назвал.

Водитель посмотрел на меня через зеркало, рыкнул двигателем, и мы тронулись на место преступления.

Сначала мы ехали молча. Я смотрел в окно на удаляющийся городской пейзаж.

Когда ты за рулём, то разглядывать окрестности некогда, а сейчас, глядя спокойно прогуливающих прохожих, транспорт, на их отрешённые лица в попутном общественном транспорте, я понял, что они ничего не знают о произошедшем сегодня. Возможно, и не узнают никогда. Может быть, им будет абсолютно безразлично, может, на минуту ужаснутся и забудут.

А ещё я думал: а пробовали они уже то, чем начинает заражаться этот город? Пробовали они «сувениры»?..

— Сергей, — отвлёк меня Ясень, — всё, что вы сегодня пережили, — крайне печально. Это трагедия, Сергей. Но я

уверен, что вы не виноваты. Вы случайный свидетель...

— Случайный? — Хрипло отозвался я, стараясь придать голосу больше мужественности.

— Конечно. Я понимаю — муки совести, вы, наверное, считаете, что могли всё предотвратить. Да, вероятно, могли бы, однако никому из нас не дано заглядывать в будущее, Сергей. Наши предположения, страхи, наша уверенность не обязательно сбываются.

— Не понимаю, о чём... — Я замотал головой, пытаюсь выстроить по порядку его слова в голове.

— Сделайте вид, что ничего не произошло.

Я дёрнулся как от удара. Сказать, что он ошеломил меня, будет слишком мягко. Я совершенно проглотил язык и даже перестал дышать, уже опасаясь за свою жизнь, а не свободу.

— Вы услышали меня, — не спросил, а подтвердил он. — Сергей, это очень важно, но я не могу раскрывать вам всех карт. Во-первых, вы не в том положении, чтобы спорить, потому что откатить ситуацию ещё не поздно, и вас ещё можно придать справедливому следствию. — Чётко произнёс он, вбивая в меня каждое слово. — Во-вторых, мы знаем о том, что вы развозите. И вы нам нужны, Сергей. Нам нужен человек внутри системы. А в-третьих, это дело только что приобрело совершенно секретный статус, и вы, как носитель данного секрета, подвергаете себя большой опасности без нашей помощи. — У меня пересохло во рту и появился металлический привкус. — Принесите нам пользу, Сергей, и мы станем

вашими ангелами-хранителями. — Он внимательно разглядывал меня, я чувствовал, что кровь отхлынула от лица, захотелось в туалет. — А потом, когда мы всех возьмём, там, глядишь, и вам, Сергей, найдётся место у нас. Вы же юрист? Учитесь? Ну вот и отлично. — Неожиданно закончил Ясень. — Выдыхайте. Почти приехали.

Он отвернулся от меня, и я наконец смог вдохнуть — получилось со свистом. На боковом стекле за Ясенем я заметил капли. Начался дождь.

— У... У меня есть время подумать? — Выдавил я глупость.

— Нет, — отвернувшись к окну, ответил Ясень.

Водитель не обращал на нас внимания, только изредка скользил глазами по отражению зеркала.

Снова навалилась усталость. К желанию отлить и поесть присоединилось желание спать. Сейчас, срочно, немедленно!

Тоже отвернувшись к окну, прижался лбом к стеклу и не ощутил прохладу.

Нужно выбрать. Возможно, этот выбор полностью поменяет мою жизнь. Да куда уж больше? Но торопиться нельзя.

Я решил, что пока не доедем, не отвечу. Хотя ответ был уже известен. За меня всё решено, но не хотелось сдаваться.

Дождь из мелкого, неуверенного, теперь густо поливал старый «Логан». Я смотрел на него сквозь тонированное стекло джипа Ясеня. Меня вежливо не прогоняли, хотя жда-

ли уже пару минут.

— Что от меня требуется? — Я решил нащупать границы.

— В первую очередь молчать о нашем разговоре, — заготовлено ответил он, — быть на связи. Буду звонить. Тебе нужно просто жить дальше, как жил, и иногда отвечать на звонки. Будь внимательным. Запоминай, с кем разговариваешь. Про странные разговоры докладывать мне, когда наберу. Курьером продолжай работать. С сентября тоже, но чтобы не было проблем с учёбой и лишних вопросов. Если заявятся органы, то не сопротивляйся, носки лучше не носи и трусы тоже, хотя бы пока тепло, но если придут утром к тебе, то всё постельное, пижамы и нижнее бельё — сразу в ванную и воду включай, скажешь, что любишь стирать по утрам.

— Зачем? — Недоуменно воззрился я на него.

— Ты ещё на волоске. Ни дай бог притянут. Так. Давай дальше. Безделушки сам не употребляй. Если не можешь удержаться, то хотя бы не чаще раза в неделю и ничего тяжёлого и минорного, усёк? — Он ждал ответа.

«Он не знает, что на меня не действует!» — выстрелом пронеслась мысль в голове.

— Усёк, — я ответил слишком поспешно, и он подозрительно сощурился, сканируя моё лицо, я решил изобразить дурака, — лучше с вами, чем в тюрьме ни за что! Да и дело не сложное, вроде, — я даже слегка ухмыльнулся, изображая «своего».

Он немного помолчал, оценивая такую перемену во мне,

но, видимо, решив, что всему виной его аргументы и моя молодость, продолжил:

— Одобряю. Молодец. Сам меня не ищи. Ничего не ищи обо мне в сети. Тебя могут пасти ФСБ, но мы прикроем, главное, чтобы ты их не провоцировал.

— А вы пасти будете? — Я заигрался, но он и не заметил.

— Нам не надо, — Ясень ухмыльнулся, но объяснять, почему, не стал. — Ступай, Сергей. Разрешаю сегодня напиться в одиночестве.

Двери машины разблокировались. Потянув за ручку, я собрался уже выскочить под дождь, который яростно барабанил по кузову, но неожиданно вспомнил, что забыл сделать очень важное. Повернулся к Ясеню:

— Спасибо, — искренне произнёс я. — Спасибо, что вытащили.

Он улыбнулся. Грустно, без издёвки, без показного превосходства.

— Мы теперь в одной упряжке, Сергей. Не благодари, — и повернулся к водителю. — Вить, давай через КАД.

Я понял, что могу идти, и вылез под ливень.

Добежал до своей машины, хотя с тем же успехом мог не торопиться — промок до нитки ментально. Привычно уселся за руль, мимо сверкнув фарами, проехал джип Ясеня. Я наблюдал, как он миновал двор и повернул к выезду на дорогу. В салоне ничем не пахло, если только немного остывающим от дневной духоты пластиком.

Завёл машину. Огляделся через залитые водой, запотевшие стёкла. Никого. Ничего необычного. Только шум воды. Протёр рукавом боковое окно, выглянул, чтобы разглядеть окна квартиры номер 77, но в сумерках под дождём видимость была минимальная.

Вспомнил про телефон. Вытащил его из кармана. Выключен. Надеюсь, что батарея не разряжена, нажал на кнопку включения. Экран загорелся заставкой. Заряда больше половины.

Посыпались сообщения о пропущенных звонках, SMS, мессенджеры. Вдруг телефон завибрировал, заиграла мелодия звонка — Unforgiving. На экране появилась надпись «Ксюша».

— Привет, — я принял звонок.

— Привет, бродяга! — Я закрыл глаза, услышав её голос.

— Где пропал? Папаня на низком старте уже, ха-ха!

— Ксюш, — мне было нужно произнести её имя вслух, — с друзьями был, телефон сел. Вот только зарядил.

— Ну ты даёшь, — я представил, как она качает головой и цокает языком, — ладно, перевоспитаем. Ты где сейчас?

— В машине, к себе собираюсь, — правдиво ответил я.

— Молоток! Я отцу твоему скажу, что ты нашёлся, не парься, пусть он успокоится, завтра наберёшь. Ладно, давай рули, — выпалила она, — А! Стой! — Я уже потянул руки к рычагу коробки передач и замер. — Танцуй, еду к тебе!

— Что? Ой, то есть, в смысле? — Запутался я.

— О-о-о, точно вовремя, — она поставила диагноз. — Еду к тебе и на родину тоже. Не соскучился?

— Соскучился, конечно! — Почти выкрикнул я и тут же смутился. — А когда?

— Послезавтра на Московском встречай. Билет скину тебе. И это... Давно не виделись, да? — На линии возникла пауза. — Ладно, всё, пока, мне пора! Не забудь встретить!

Она отключила звонок. Немного посидев в ступоре, я набрал свой адрес в навигаторе, хотя знал дорогу.

— Маршрут построен, — отозвалась программа голосом известной исполнительницы, — поехали домой?

Слишком много впечатлений сегодня, отметил я про себя, а вслух сказал:

— Да.

Вот и поговорили.

Глава 7

Я убегаю, измазанный кровью. Она слетает с пальцев от каждого маха рукой. Меня окликают по имени разные голоса. Вадим. Ясень. Майор. Лысый. Маргарита Егоровна. Я не знаю её голоса, но был уверен, что это была она. Ксюша.

Я резко сел и затряс головой.

— Мя-а? — раздалось с пола.

Кот ходил вдоль дивана, тряся хвостом, словно пушистой палкой.

— Она здесь? Или приснилось? — Я поднялся проверить соседнюю комнату.

— Мя-а-а, — кот решил, что за ответ на мои вопросы заслужил завтрак и порысил на кухню.

Было ярко, несмотря на раннее утро. Сквозь плотные зелёные шторы свет не пробивался, но он как будто делал их сочнее.

— Где шорты? — Я не сразу понял, что они на мне.

Осторожно ступая по хрустящему ламинату, несмотря на отчаянное мявканье кота, в коридоре остановился у закрытой двери спальни. Если дверь закрыта, значит, она всё-таки приехала, и мне это не приснилось. Кот молча наблюдал. Ничего не услышав, медленно нажал на ручку и приоткрыл лёгкую дверь. Она приехала. А сейчас, поджав ногами взбитое одеяло, крепко обнимала подушку. Спит.

Улыбаясь, я прикрыл дверь и пошёл на кухню скорее кормить волосатого монстра. Этого дьяволёнка-кота, которого всучили мне отец с сестрой: «Чтобы не скучал».

Прошло уже три дня. Я не помню, как доехал и что делал. Весь следующий день провалялся. Немного придя в себя, сгонял на вокзал. Встретил сестру. Но каждое утро мне кажется, что вся эта жизнь мне приснилась.

Прикрыв кухню, чтобы не шуметь, включил чайник и открыл холодильник. Звякнула бутылка. Водка стукнулась с соевым соусом в дверце. Не помню, когда купил, но раньше её тут не было. Закрытая. Вот и ладно.

Нашёл пакет кошачьего корма. Этот ненормальный серый стукот голода начал тереться о ноги с удвоенной яростью.

— Да угомонись ты, — тщетно я пытался его урезонить. — Не толкайся, дай положить! — Зашипев на него, я промахнулся мимо чашки, и корм выпал из пакета на кафель. Кота это не смутило. — Вот оболтус вислоухий.

Это было в напраслину, уши его утюгом не уложишь.

Сегодня я был намерен выйти в смену. Уже пропустил несколько. А вдруг позвонит этот Ярослав Фёдорович? Меня передёрнуло, я стукнул чашкой о столешницу. Не разбилась. Чтобы смыть неприятные мысли, я поспешил в ванную комнату.

Оторвав мокрые, холодные ладони от лица, уставился в своё небритое отражение в зеркале.

— Рожа квадратная... Да, забухал чуток, хы! — Криво

ухмыльнувшись, шмыгнул носом. Зачем-то оскалился и за-
сунул в рот зубную щётку. — И буу вэси сея оышно.

Когда с туалетом было покончено, снова закрылся на кух-
не. Скоро позвонит логист.

Есть не хотелось, да и особо ничего не было.

— Надо затариться сегодня и приготовить что-нибудь, —
кусоч сыра уместился на кругляше докторской колбасы. Хле-
ба не было.

Сегодня солнечно. Солнце пока ещё было с другой сторо-
ны дома, отбрасывая на проспект прохладную тень, но и она
нисколько не мешала погрузиться в синее безоблачное небо.

Наскоро запив свой завтрак, оставил вторую связку ключ-
чей на видном месте, тихо закрыл входную дверь и, как был
в мятой футболке, спустился к машине.

На улице меня встретил радостный птичий гомон. Разо-
чарованно махнув на них, полез в багажник за тряпкой и бу-
тылкой воды — оттирать с металла их разноцветное дерьмо.

Привычная дорога заполнила вакуум ненадолго. Возле ба-
зы стояло авто одного из ночных. Приглядевшись, я заметил,
что он откинул спинку сидения и дремлет. А может, и спит.
Ну и славно. Разговаривать не хотелось.

Простучав подошвами по железной лестнице на второй
этаж, зашёл в привычно неуютное помещение. Воняло пла-
стиком и чем-то сладким.

— Блин! Забыл колу! — Не успев приступить, уже про-
кололся.

Нашёл свою картонку, отбил в приложении начало смены. Логист так и не позвонил.

Прошло полчаса. Нога отстукивала нервный ритм, не желая остановиться.

Телефон издал тихий «блям». На экране рядом с адресом особняком значилось: «Надежда», потом цифра два и комментарий: «Серый с золотыми вкраплениями; Красный». Редкая штука. «Надежда» — нужно серьёзно играть, чтобы на неё накопить. Просто за деньги не купить. Заказчиком значилась некая Любовь. Я ухмыльнулся.

За полками с каким-то неприятным скрежетом открылась дверь. На девятой полке появились две коробочки. Очень маленькие, не больше четырёх дюймов каждая.

За ними блеснули глаза:

— Э! Хай, родный, да? Где пропал? — Голова Фарита слегка наклонилась набок, словно щенок, услышавший незнакомый звук. Лохматый такой щенок.

Я неопределённо развёл руками.

— Плохо, да, брат? — Он вытянул губы в трубочку.

— Да нет, — затянул я, — с чего ты взял?

— Колы нету.

И он исчез из видимости, только хлопнула дверь, стирая светлую полосу с пола.

— Да пошёл ты, — бросил я в пустоту и забрал заказ, привычно упаковав.

На улице машины ночного уже не было.

«Надежда» привела меня к довольно странному дому: деревянный особняк, два этажа, огромный фонарь в виде луны на крыше.

Вероятно, в тёмное время суток выглядит красиво. Дом и участок с ним окружал высокий сплошной забор из давно некрашенных в зелёный досок.

Улочка узкая, словно зажатое русло. Контрастом к месту доставки являлся огромный многоэтажный кирпичный дом на другом «берегу» дороги. Красный и модный, он совершенно не подходил к интересующей меня постройке с заросшей мхом крышей.

Оставив машину у кирпичного великана, я спокойно перешёл в неполюженном месте пустую дорогу и остановился у калитки. Судя по следам на земле и небольшому намету между калиткой и забором, за входом не особо следили.

За забором слегка шуршали листьями разномастные деревья.

Странный сельский колорит портил современный звонок серебристого цвета.

Нажав на него, я ничего не услышал. И непонятно: услышал ли его ещё кто-нибудь?

Простояв минуту, я решил, что пора нажать на кнопку ещё раз, а дальше уже звонить в клиентский отдел — пусть разбираются, но тут до меня донёлся скрип ржавых петель и ритмичное шуршание шагов, словно кто-то брёл по щиколотку в палой листве.

Когда калитка отворилась, чуть не завалившись на меня, я понял, что не настолько уж и неправ насчёт этого шуршания: обозримый двор был завален сухой разноцветной листвой, словно посреди лета поселилась осень. Судя по тому, что они лежали не плотно, а наоборот, словно ещё не потеряли память, когда их развлекал ветер и они дышали им, помахивая вслед, упали недавно.

Вместе с открытой калиткой меня обдало чем-то сладким и пахучим, наверное, сухими травами.

Засмотревшись на неожиданный пейзаж, я совершенно не обратил внимания на того, кто мне эту калитку открыл.

Молодая, скорее юная, румяная девушка. Рыже-жёлтые волосы, собранные косой назад, кроме двух прядей, полумесяцами окаймлявшими точёное личико, и смеющиеся глаза. Одна прядь прилипла к пухлым блестящим губам.

Она привычным жестом убрала её и улыбнулась:
— Вы курьер?

Белая майка, заправленная в джинсы, а с ними и белые кроссовки, не дожидаясь ответа, развернулись и зашуршали к крыльцу дома. Не оборачиваясь, она призывно махнула мне рукой, приглашая следовать за ней.

— Заходите, бабуля выходить не будет, слишком темно.

— Что тут необычного? — Я пожал плечами и принял приглашение, не забыв потянуть калитку за собой. Между лопаток неприятно зазудело.

Я отмахнулся, было здорово не поднимать ноги из листвы

и брести словно вброд.

Короткая прогулка закончилась в тени крыльца с треугольной крышей, облокотившейся на два потрескавшихся, таких же, как и забор, и весь дом, зелёных деревянных резных столбиках.

Новая стальная дверь нараспашку. Я остался один перед входом. На секунду подумав, что можно развернуться и уйти, всё же решил шагнуть вперёд — нужно было доставить заказ.

С любопытством разглядывая обстановку, переступил порог и... Просто дом. Резиновый коврик с ячейками у входа. Обычно, даже современно обставленная прихожая: шкаф-купе с дверьми, полностью состоявшими из зеркал. У смежной стены стиральная машинка, рядом с ней сушилка. Навесной потолок со светильниками. Прямо напротив проём без дверей в другую комнату, в которой виднелся диван песочного цвета. Направо — ещё проход в помещение, похожее на кухню. Прохладно. Пахло душицей. Единственное, что казалось необычным, так это то, что в помещении было светлее, чем снаружи.

— Наверное, из-за зеркал, — подумал я, не решаясь сойти с коврика.

Из кухни донёсся голос девушки:

— Проходите сюда, не стойте в дверях — мух запустите!

— Спасибо, но я только заказ доставить, на работе же.

Она выглянула в проём, лучезарно улыбаясь:

— Сергей, проходите, мы не кусаемся. Бабуля хочет с вами познакомиться. — И она снова скрылась, позвякивая посудой.

— Блин, какая ещё бабуля? — тихо проворчал я и, не разуваясь, пошёл на зов. — Надоели уже всякие придурки.

Да, девчонка мне понравилась, но сама ситуация напоминала дурацкий цирк.

— Откуда вы знаете моё имя? — Я зашёл в просторную кухню, напичканную современной техникой — от умной сковороды до робота-пылесоса, весело щекочущего линолеум.

На варочной панели стоял самовар.

— Так в приложении же написано, — она сверилась со смартфоном. — Курьер Сергей.

Она хихикнула и принялась расставлять чашки на стол. Три штуки. За столом, скрывшись за газетой так, что были видны только фаланги пальцев с суставами, распухшими от артрита, и аккуратный френч на ногтях. Сочетание несочетаемого.

— Ваш заказ, — погромче сказал я в сторону газеты.

Газета колыхнулась, и её верхняя половина наклонилась вперёд. В меня упёрлись два разноцветных глаза: голубой и карий. От уголков глаз, словно солнечные лучи, разлетались тонкие морщинки.

— Мой заказ? — скрипуче переспросила она. Газета окончательно сложилась и легла на край стола. — Присажи-

вайся, Сергей, чай будем пить.

— Спасибо, конечно, но у меня работа...

Я старался не смотреть в глаза бабуле. Но образ её соответствовал интерьеру: коротко стриженные белые волосы с чёрными прядями, массивные серьги из жёлтого металла изображали музыкальный ключ. Одета женщина была в красную футболку с надписью «Alabama». Правую руку украшал браслет, похожий на серебряный, с разными висящими на нём фигурками. Такой был у Ксении, только фигурки другие. Левое запястье было наряжено в массивные часы из жёлтого металла, но я не разбираюсь в часах. Выше часов виднелась татуировка вдоль всего локтя: змея, глотающая слона. Где-то я такое уже видел...

Справа от меня появилась рыжеволосая и принялась выставлять на стол уже наполненные чаем чашки.

— Пока ты здесь, — проскрипела бабуля, — работа ждёт.

— Вы Любовь? — Я перешёл в контратаку.

Ответом мне был двухголосый, абсолютно разный смех: женщина — словно расстроенный альт, и смех рыжеволосой — открытый, звонкий, искренний.

— Веришь в то, что спросил? — Старушка перестала смеяться и внимательно меня разглядывала.

— Ну да, — я уселся за стол.

— Вот Верой и зови, — её глаза смеялись, и она громко отхлебнула из своей кружки.

— Люба — это я, — заявила рыжеволосая. — Прости, что

сразу не назвалась. Было смешно за тобой наблюдать.

Она подвинула ко мне вазочку с конфетами.

Давно передо мной никто не извинялся. Внезапно я почувствовал себя живым, и этот свет вокруг стал теплее. Мне захотелось пить чай.

Мы сидели молча и наслаждались напитком. Меня подмывало сначала спросить: «Что происходит? Кто они такие? Что им от меня нужно?» Потом беспокоился о том, что надо работать дальше, но как только желание достигало пика, я натыкался на взгляд Веры, и вопросы, и беспокойство о трудовых буднях растворялись в благоухании трав из кружки.

— Хорошо сидим, — кружка бабули громко стукнула о блюде. — Как живёшь, Серёжа?

Я ещё пару секунд покатал языком жидкость во рту и ответил:

— Приятно познакомиться. — Любовь прыснула в чашку. — Живу я припеваючи, вот, чайком балуюсь, девушек незнакомых развлекаю, — я многозначительно глянул на рыжеволосую.

— А друзья у тебя есть? — Потирая двумя пальцами салфетку, спросила старушка.

Я не поперхнулся только потому, что было нечем:

— Кхмм... Ну как же. Есть, — я для вида кашлянул.

— Это хорошо, — она отложила салфетку и, сцепив пальцы, положила руки перед собой на стол. — Работа у тебя сложная, друзьям некогда время посвящать. А если работа

не одна, то ещё тяжелей, да?

— Что вы имеете в виду? — Я опешил.

— Заказ привёз? — Сменила тему бабуля.

Я заоборачивался, вспоминая, где оставил сумку. Люба, не прекращая улыбаться, выпорхнула из-за стола, лёгким шагом поднесла мне её. Не отрывая взгляда от её губ, я наощупь растегнул молнию и, шурша пакетом, вынул сувениры. Протянул их рыжеволосой красавице. Она к ним не притронулась, лишь легонько отступила, спрятав руки за спину.

— А это не для неё, — вновь проскрипела бабуля.

— Так вы же сами... — растерявшись, я потянул заказ ей.

— И не для меня, — она, причмокнув старчески губами, развернула фантик и положила конфету в рот.

— Только не нужно издеваться...

— Для тебя это, — змея со слоном поставила пустую кружку в сторону. — Милая, налей ещё, прошу тебя.

Любовь мягко подошла к Вере, взяла кружку. Я наконец осознал, что она сказала.

— В смысле «для меня»?

— Нам-то без надобности, Серёж, а вот тебе нужно.

— Зачем? На меня не действует! — Голос подвёл и в конце перешёл на визг.

— Трудно тебе. Сейчас трудно. Но есть те, которым ещё хуже. Им поможешь — себе поможешь. А больше тебе помогать некому. Веришь?

— Не действует на меня, говорю же.

— Знаем. На других действует. Понимаешь, что это за «надежда»?

— Редкое что-то, долго на неё копить.

— Не копить, — это Люба подошла с полной кружкой, поставила её Вере и присела рядом со мной. — Убивать.

Я дёрнулся, но она накрыла мою ладонь своей ладошкой, и стало так хорошо, я будто стал легче и готов был взмыть... К потолку...

— Что это значит? — я затараторил. — Люди играют в игрушку, копят там в игре какие-то бонусы, а за них вот, — я показал пальцем на пакет, — хрень эта. Возьмёшь её и получаешь что-то. Говорят, кайф, но я сколько ни пробовал — ничего не получилось.

— Всё верно говоришь, — отхлебнув из кружки, кивнула мне Вера. — Нигде не соврал. Но убивать-то всё равно приходится? Чтобы заработать эту, как её? Валюту!

— Ну да, так игра же.

— Игра! — Она резко хлопнула ладонью об стол. Люба нахмурилась и с укоризной посмотрела на старушку. — Это на картинке твоей игра, а там, на том конце живые мрут!

— На каком ещё конце! — заорал я в ответ и осёкся.

В этот момент в мою ногу что-то стукнулось раз, два, недовольно пиликнуло и уползло дальше. Робот-пылесос всё это время продолжал выполнять, для чего был создан: одним он приносил деньги, другим — видимость чистоты.

Женщины замолчали и упёрлись друг в друга взглядами.

Впечатление, что из них вынули батарейки, и они застыли.

Мне стало не по себе, я принялся скрипеть стулом, поворачиваясь в стороны, чтобы прикинуть своё бегство.

— Может, они тоже под кайфом? Сумасшедшие? — Сердце начало усиленно гнать кровь.

— Тебе нужно уходить, — внезапно заявила Вера.

Под ней зажужжал какой-то механизм, и из-за стола она выкатилась на электрическом инвалидном кресле. Её ноги были плотно укутаны пледом, из-под которого виднелись мыски... Не ног. Что-то блестящее, каменное. Как мрамор.

Люба подбежала к окну, посмотрела через на что-то над крышей.

— Скоро будут тут, — доложила она Вере.

— Забирай передатчики и беги. Тебя не заметят, мы прикроем. Сделай вид, что ничего не произошло. Сергей, ты слышишь меня?

Я проморгался, кивнул. Резко поднявшись и опрокинув стул, принялся засовывать «передатчики» обратно в сумку.

Люба, открыв духовку, что-то там крутила.

— Газ! — Мелькнуло в голове.

Закончив с духовкой, она подбежала ко мне, крепко обняла и поцеловала в обе щёки и лоб и коснулась губами моих. Я вдохнул её аромат. Что-то неуловимо сладкое с перчинкой. Защекотало в носу. Взъерошив мне волосы, посмотрела на Веру, та утвердительно кивнула. Я шмыгнул носом, справляясь с щекоткой.

— Тебе пригодится, — прошептала Люба, провела рукой по моей щеке, потом с неожиданной для её комплекции силой развернула меня на сто восемьдесят градусов и толкнула к выходу.

— Прощай, — прочёл я по её взгляду и побежал. Снова.

Глава 8

Иногда что-то делаешь, поддавшись инстинкту. Часто это случается раньше, чем ты успеваешь осмыслить.

Я преодолел дистанцию до машины практически не касаясь земли. Так мне казалось.

Двигатель завелся штатно. В визге покрышек я оглянулся на то место, откуда только что сбежал: пространство над домом с фонарём-луной подрагивало, словно над раскалённой железной крышей. Меня смогла догнать только вонь жжёной резины, и та через мгновение была выгнана из салона встречным потоком воздуха.

В голове появились первые мысли. Схватил смарт, отметил доставку. Нужно ехать на базу, сбежать с работы — слишком подозрительно.

Улицы пусты, только редкие прохожие и одинокие голубые автобусы. Зной над городом только разогревался.

На парковке было пусто. Отключил зажигание. Отцепил ремень. И когда успел его пристегнуть?

Раздался звонок. Номер не определился. Я принял вызов.
— Слушаю.

— Это хорошо, Сергей, — голос Ясеня заставил меня оцепенеть на мгновение, — узнал?

— Здравствуйте, Вячеслав Фёдорович, — я сглотнул комок.

— Здравствуй, Сергей, как ты? Встретил сестру? — Я за-
оборачивался: он про неё знает! Что ещё ему известно?

— Да. Спасибо, встретил, — тем не менее я постарался
спокойно ответить.

— Работаешь?

— Конечно.

— Это правильно, работа дисциплинирует. — Возникла
пауза, во время которой я успел два раза глубоко вдохнуть
и выдохнуть. — Сергей, как на работе? Ничего необычного?
— голос его сделался сухим.

— Вячеслав Фёдорович, не могут быть нормальными та-
кие клиенты.

— Что-то конкретное? — Он оживился.

— Да всё стандартно: фрики и придурки, — соврал я.

— Ясно. Ну что же, человек слаб. Запиши номер. Если
что заметишь, звони. — Послышался шорох на том конце.

— Вячеслав Фёдорович! — Я испугался, что не успею
спросить. — Про Вадима известно что-нибудь?!

— Какого Ва... А! Нет, тишина. Не волнуйся, за тобой он
не придёт.

— Да я не по этому, просто...

— Найдём. Разберёмся. До связи.

Он сбросил вызов. Я бессильно опустил руки. Соврал.
Узнает? Без понятия.

Разболелась голова.

Телефон снова зазвонил. На экране высветился неизвест-

ный номер.

— Ну вот и попался, он меня раскусил! — В голове что-то щёлкнуло, дёрнулась щека.

Я почувствовал, как в кровь врывается адреналин и сердце бешено застучало.

— Алло! — Резко ответил я.

— Добрый день, Сергей, логист беспокоит. Почему так долго везли заказ? — он выпалил это без пауз.

— С-слу-шай-те, — я заставил себя говорить медленнее, — не так уж и дол-го, при-вёз во-вре-мя.

— Да, но ехать было недалеко и...

— Сам за руль садись тогда! — Я больше не мог сдерживать энергию, которая клокотала во мне.

— Сергей, успокойтесь...

— Отвали! Я на месте! Что ещё надо? — И сам ответил: — Ничего! До свидания! Звоните по делу.

Трубка ответила короткими гудками.

— Задолбали! — Сердце понемногу успокаивалось.

Вышел из машины и схватил сумку. Вспомнил, что забыл вытащить «передатчики». Оглядываясь по сторонам, дрожащими руками вытащил пакет с ними и переложил в бардачок. Картон несколько не пострадал и скрывал содержимое.

Я прислушался к своим ощущениям, но ничего необычного не почувствовал. Закрыв бардачок.

Только сейчас я посмотрел на часы. Оказалось, что с начала смены прошло всего чуть более часа, а по моим ощу-

ниям — пора было заканчивать. Придётся дальше работать с этим ощущением.

Наверху меня встретил Фарит, который как раз возвращался из туалета и тряс мокрыми руками. Впервые увидел его не через стеллажи. Горб был с левой стороны и выглядел, словно одна часть спины выросла и развилась, а другая осталась в возрасте десятилетнего мальчика. Несмотря на искривление, походку он имел слегка подпрыгивающую.

Я махнул ему.

— Как съездил? — Он подошёл к столу, на который я водрузил сумку.

— Как обычно, — я пожал плечами.

— Редкий заказ, — Фарит посмотрел на меня, чуть прищурив глаз, — интересные клиенты?

— Фарит. Они все интересные. А ты сам пробовал? — Я наблюдал за ним, пытаясь заметить мельчайшее изменение в позе, мимике. — Кто-нибудь ещё заказывал «Надежду»?

Он не шевелился и не моргал. Пауза затянулась до неприличных десяти секунд, потом его губы растянулись, обнажая два ряда крупных, слегка кривых жёлтых зубов.

— Ха! — Словно выплюнул он, и слюни в уголках рта затрепетали, как ленты на ветру. — Дарагой, я их мастырю, я ими провонял весь, как ты дюмаешь? Я их помнит должен?

— А я сюда не думать пришёл, а работать, — он дёрнул бровью, — Вадима давно видел?

— Ночного? — Фарит словно подобрался для прыжка.

Я почувствовал зуд в ладонях и кончиках пальцев, но не отводил от него взгляда.

— Ну.

— Раньше тебя пропал, — он словно что-то услышал и, глянув в сторону выхода, снова повернулся ко мне, — видел, как он отказные вытаскивал.

Он резко отпрыгнул назад и скрылся в проходе за стеллажи.

— Заказ готов, поедешь сейчас! — Последнее слово вылетело уже через щель закрываемой двери в его вотчину.

Тяжело дыша, я посмотрел на свои кисти, на мгновение мне показалось, что ногти на пальцах чуть удлинились. Я моргнул и тряхнул головой. Вновь посмотрел — всё как обычно.

— Свихнуться можно, — прошептал я.

По лестнице затопали шаги. Кто-то тяжело поднимался.

Я встал и прижался спиной к стене у входа, чтобы меня не сразу заметили. Глянув на стол, я понял, что идиот. Не убрал сумку.

В проёме вместе с тяжёлым топаньем показалась массивная тень.

Сердце пропустило удар и снова заработало с удвоенной силой, руки стали тяжелее, словно заполнились кровью. Ноги сами чуть согнулись в коленях и напряглись. Зрение вдруг обрело такую чёткость, как будто выкрутили качество картинки на максимум. Лёгкие прекратили вздуваться, но я не

испытывал недостатка в кислороде.

Всё это произошло буквально за пару секунд.

Тень продвинулась вперёд, и до меня донёлся слабый запах мужского пота.

Сначала показалось небольшое пузо, облачённое в бежевую футболку.

В голове мелькнуло:

— Жека!

Он полностью вошёл в помещение. Я остался у него за спиной.

Мысленно отметил уязвимые места: основание черепа, почки, копчик, подколенная ямка, внутренняя лодыжка. Глаза услужливо приближали перечисленные части тела и отдаляли, когда взгляд фокусировался на других.

Пальцы снова зазудели.

— Откуда я это знаю! — Я часто заморгал, отгоняя навязание, и наконец задышал.

— Здорова, — прохрипел ему в спину.

Он вздрогнул и втянул голову в плечи.

— Жека, ты чего? — Я продолжил хрипеть.

Он повернулся, увидел меня, прижавшегося к стене. Расслабился.

— Сер-р-рёга! Напугал! — Его глаза блестели наравне с очками, которые привычно покоились на лбу. — Ты чего тут? Стоишь...

— Да так... Показалось... Спросонья, похоже, — я изоб-

разил зевок.

— А, ну это дело понятное, хы! Вы, молодёжь, по ночам не спите, вам самое время гулять, — он поставил сумку рядом с моей и тяжело опустился на сиденье, — вот помню сам по молодости...

Мой телефон на столе тренькнул.

— Заказ тебе, походу, — он посмотрел на экран своего смартфона, — я первый в очереди, а был второй. Как утро-то?

— Тухлое.

Я покинул пост у стены, посмотрел на экран: «Успех». Самое дешёвое. Такие студенты берут.

Скрипнула дверь коморки. Жека поднялся.

— Пойду, курну, — сообщил он.

Чтобы дать ему пройти, мне нужно было шагнуть вправо.

На улице с рёвом прогнившего глушителя пронёсся мотоцикл, на мгновение заложило уши. Вместе с шагом вправо я увидел вспышку со стороны стеллажа, в левую руку чуть выше локтя что-то больно ударило и с глухим звяком упало на кафель.

Я посмотрел вниз: на медно-серый комочек, скачущий по полу, нос уловил запах серы.

Тело мне не подчинялось. Оно метнулось влево без дополнительного импульса, без толчка. Ещё вспышка за стеллажом, глухой хлопок, треск плитки в том месте, где я только что находился. Что-то прожужжало мимо затылка и стукнуло о стену уже слева.

Евгений словно не шевелился. Он оказался между мной и стеллажом как раз в тот момент, когда под его правой ключицей бежевая футболка порвалась и начала краснеть. Из разрыва вылетели капли вместе с волокнами ткани, белыми осколками костей и серым мятым металлическим комочком, который едва не задел моё лицо на излёте.

Всё это я видел очень чётко и медленно. Я даже подумал, что мог бы собрать всё, что летело, одной рукой и запихнуть обратно.

Но тут тело нырнуло под стол, оттолкнулось, скользнуло по полу под стеллаж.

Пролетая с другой стороны стеллажей, я схватил рукой чью-то ногу за лодыжку и, не останавливаясь, потянул за собой, врезаясь в картонные коробки. Тот, чью ногу я тянул, рухнул с запоздалым криком, загремели стеллажи, и краем глаза я заметил большую металлическую букву «Г», весело скачущую в сторону каморки.

У стола, на той стороне, глухо упало тело.

Только сейчас я услышал визг и понял, что кто-то дёргает меня за руку. Я резко развернулся, и к визгу прибавился ещё и хруст. Осмотревшись, я увидел свою руку, которая впилась словно капкан в ногу Фарита, которая, в свою очередь, была неестественно вывернута в колене и у стопы представляла собой кашу. Я держал её за кость.

Меня должно было вырвать, но спазмов не было.

Я понял, что не дышу, и решил вдохнуть. Воздух со сви-

стом ворвался в лёгкие. Я услышал стук крови в висках. Разжал ладонь. Она была чистой. Кость тоже белела, словно обглоданная. Плоть вокруг неё словно запеклась.

Фарит не стонал, но тихо скулил.

— Зачем? — Я подполз к его лицу.

Он смотрел на меня так, словно увидел что-то страшное. Глаза широко открыты, не моргают, лицо в слезах и слюнях. Он часто задышал, смешно надувая щёки.

— Зачем? — повторил я громче и облокотился на руку.

Он заёрзал, пытаясь отползти от меня.

— Тщ-щ-щ, — издал я, прижав палец к губам, — тише, тише.

Нужно было ему помочь. Он в шоке.

Я вспомнил про «успех» на полке.

— Сейчас, погоди.

Кряхтя, поднялся на ноги, тело ныло. Я посмотрел на свою левую руку выше локтя — синяк размером с кулак.

— Пневматика что ли? — Но вспомнил Евгения. — Ни хрена...

Фарит всё так же пыхтел и постанывал на полу.

Я взял с полки картонную коробку, которую ещё недавно должен был кому-то отвезти. Встряхнул, убедился, что не пустая. Вернулся к Фариту и опустился на колени. Он продолжал пялиться на меня, потом увидел коробку и задышал чаще.

— Чего ты? У тебя шок. Ногу вон как повредил, хорошо

хоть крови нет. Сейчас шок снимем, — успокаивал я его.

Открыл коробку. В ней лежал белый цилиндр, больше напоминавший сигару. Это был макет космического корабля. Какие-то надстройки по периметру, вероятно, что-то значили, но я не разбирался. Вытащил передатчик из коробки.

Ничего не произошло, как и всегда.

Фарит прижал руки к груди и сопел. Казалось, что его глаза ещё сильнее вылезли и тарасились на меня с удвоенным удивлением.

Я осторожно взял его правое запястье, стараясь ничего не сломать, разжал кулак и вложил в него передатчик.

Секунду ничего не происходило. Вдруг его взгляд словно затуманился, дыхание стало выравниваться, а передатчик рассыпался в пыль.

Кайф не должен длиться долго. Сейчас поговорим.

— Фарит, очнись, — я слегка похлопал его ладонью по щеке.

Он дёрнулся и невидяще уставился в потолок. Пришлось похлопать повторно. Наконец его взгляд сфокусировался на мне. Губы разомкнулись и зашевелились беззвучно.

— Не слышу тебя, — я покачал головой, — повтори.

Из его глотки раздался булькающий хрип. Потом я услышал:

— Я попал, — тихо произнёс он, — попал в тебя! — Уже уверенней.

Я посмотрел на свою руку.

— Ну да, молодец.

— Да! Хороший выстрел! — Он стал говорить громче, и акцент пропал.

— А зачем стрелял?

— Я раскусил тебя! Ты... Вопросы... — Он заёрзал, пытаясь приподняться на локтях и посмотреть на свои ноги.

Я не позволил.

— Фарит, какие, нахрен, вопросы! Ты в меня стрелял! Ты Жеку застрелил! — Я встряхнул его за грудки.

— Хорошо попал! Чётко! — Он захихикал.

Это так «успех» действует? Всё с ног на голову.

— Кто сказал стрелять?

— Ты не понимаешь! Тебе уже конец! Я победил! — Он вцепился в меня. — Те двое кончились! В пыль разнесли!

— Кто?!

— Новости... Смотри... — Он начал отключаться.

Я снова встряхнул его:

— Что, блин, происходит! Что я тебе сделал?! Кто ты такой!

Он внезапно замер, взглянул на меня твёрдо и осмысленно.

— Не уйдёшь. Ты не с теми заключил союз. Больше не убежишь.

— Кто ещё заказывал «Надежду»?! — Он обмяк, и взгляд его стал бессмысленно блуждать по потолку.

Я бросил его, поднялся и направился в сторону каморки.

Отметил по пути оружие: действительно пистолет. С глушителем. Осторожно поднял двумя пальцами. Не то чтобы я умел пользоваться оружием. Скорее видел в кино, но сейчас я мысленно отмечал названия деталей: затвор, предохранитель, выбрасыватель, курок, спусковой крючок, рукоятка, расширительная камера. Вроде ничего сложного, но я никогда не интересовался названиями частей пистолета. Глушитель оказался насадкой для пистолета ПБ. Я это понял, но и не понял одновременно.

Рука сжала рукоять. Я был уверен, что теперь не оставлю никакой биологии. Эта мысль импульсом пронеслась в голове, и я забыл про неё, аккуратно ступая к приоткрытой двери.

Открыл дверь, петли предательски скрипнули.

Внутри квадратной комнаты не оказалось окон. Свет погашен, только неяркая красная подсветка по стенам.

В камере, размером со стандартную однушку, в три ряда стояли офисные столы, на которых, где по два, где по одному, располагались 3D-принтеры. Пятнадцать штук. Некоторые гудели и что-то печатали, несколько пульсировали красными диодами, остальные бездействовали.

У стены напротив входа светились два монитора с какими-то схемами и графиками.

Людей в помещении не было. Я не чувствовал. Только запах тёплой пластмассы.

На полу валялись пустые алюминиевые банки из-под га-

зировки и пива, такие же, только вперемешку с цветастыми пакетами от чипсов и других снеков, вываливались из пары мусорных вёдер в проходах.

В горле пересохло, захотелось есть и сладкого.

Механическое гудение принтеров смешивалось с шумом вентиляторов вытяжки.

Я прошёлся по левому ряду до компьютера. Слева от него стоял чёрный, похожий на металлический ящик, похожий на вертикальную морозильную камеру.

На ней не было ни ручки, ни какого-то видимого устройства, чтобы открыть. Я прикоснулся к стороне, где, по моему представлению, должна находиться дверь. Пальцы словно примагнитились. Я почувствовал холод.

Я не успел испугаться, как по переднему краю пробежала полоска жёлтого света, и передняя часть ящика разделилась на две половины, хотя казалась монолитной, и эти половины отошли в стороны, словно двери автобуса.

Лёгкое облако пара вырвалось в комнату и мгновенно растворилось, подхваченное потоками воздуха.

К запаху пластмассы присоединился солёный привкус бриза. Захотелось облизать губы.

Изнутри ящик мягко светился жёлтой подсветкой, не мешая разглядывать содержимое.

Нижняя челюсть произвольно пришла в движение и выразила своё недоумение.

Внутри ящика, буквально паря в воздухе, висели те са-

мые разноцветные сувениры. Или передатчики? Какие-то я узнал. Вон тот же — «Успех», «Весна», «Морозный день»... «Пуля в голове»...

— Офигеть, — челюсть вернулась на место.

Поискав по сторонам, я нашёл пакет с известным логотипом сети супермаркетов. Схватил его и осторожно вынул все передатчики. Четырнадцать. Отошёл от шкафа, и его передняя панель также беззвучно соединилась.

Под столом с компьютером обнаружился сервер. Я вспомнил, что на производстве велось видеонаблюдение.

Отложив пакет в сторону, я вытащил сервер: металлическая ферма с коммутаторами, жёсткими дисками и кулерами.

Не обнаружив ничего тяжёлого, я вспомнил травмированного Фарита и просто взял первый попавшийся магнитный жёсткий диск. И сжал его в ладони.

Он смялся, словно валяющаяся рядом алюминиевая банка из-под дешёвого пива.

Хмыкнув, я проделал это с каждым. Мониторы погасли и выдали информацию об отсутствии подключения.

Когда с дисками было покончено, по моим ощущениям, с начала стрельбы прошло минут десять. Остаться тут дальше было нельзя. Бросив последний взгляд на стол, я увидел чёрную лакированную шкатулку. Открыл. Внутри были две скрученные в цилиндры пачки денег, перетянутые резинками. Судя по цвету, купюры по тысяче и пять тысяч рублей.

Под ними лежали купюры вперемешку. Забрал оба цилиндра и сунул себе в карман.

Я вышел из коморки и подошёл к Фариту. Он был в сознании и молча наблюдал за мной. А он успел отползти к проходу. За ним тянулся влажный след какой-то физиологической жидкости.

— Фарит, ты же понимаешь... — начал я.

— Доделай, что начал! — бросил он и закрыл глаза.

Я посмотрел на пистолет. На пакет. Покачал головой.

— Я не убийца. Это вы такие, уроды. — Он не ответил, только ухмыльнулся в сторону.

Я порылся в пакете и достал чёрный диск размером с ладонь, который был перпендикулярно соединён с диском поменьше. Играл бы я в игру, то знал бы название данной модели корабля, но я не играю, однако знаю бытовое название: «Пуля в голове». Очень говорящее.

Я опустился рядом с ним и, преодолевая слабое сопротивление, вложил в его ладонь передатчик. Он пару раз дёрнулся, рука ослабла. «Пуля в голове» рассыпалась в прах.

Нисколько не заботясь об отпечатках, я проверил патрон в затворе — на месте — и положил пистолет ему на грудь.

В меня он не выстрелит, но вот в себя...

— Говорящее название.

Схватив свою рабочую сумку, я выскользнул на солнце, стараясь не смотреть на лужу крови, в которой упокоился Евгений.

Преодолев первый лестничный пролёт, я услышал за спиной лёгкий стон, сухой стук и лёгкое позвякивание металла о кафель. Посторонние звуки на этом закончились, за дело взялись птицы.

Парковка прикрыта деревьями от ближайших домов, но с верхних этажей было видно, как я сажусь в машину и уезжаю.

Последний заказ я так и не успел принять. Закрыв смену в приложении и выключил телефон. Мне нужно было сосредоточиться и понять.

— Что, чёрт возьми, там произошло! Какого хрена это было вообще! — Я орал, выруливая на проспект, и долбил ладонями по рулю. Он пружинил, что бесило меня ещё больше.

Часы уведомили, что прошло всего двенадцать минут с того момента, как мне пришло уведомление о заказе.

Я прислушался к своим ощущениям. Ничего необычного. Осмотрел руки. Кроме свежего синяка — всё как и раньше.

— Может, в меня бракованная пуля попала? — Резко понизив передачу, я добавил газа и перестроился в другой ряд. — Допустим, — повысил передачу, — тогда что не так с дисками? Гребаными жёсткими железными дисками?! — Не успел об этом подумать, как вспомнил голую живую кость и плоть в своей руке.

Резко вильнул к обочине и затормозил. Машина заглохла. Приоткрыв дверь, высунулся наружу. Рвотный позыв наполнил рот слюной. Я открыл рот — спазмы рвоты пытались вы-

толкать содержимое желудка, но вопреки их стараниям даже слюна куда-то испарилась, и только тоненькая её струйка повисла над асфальтом, не желая падать. А через секунду и она втянулась обратно.

Меня затрясло. Со второй попытки закрыл дверь и откинулся на спинку сиденья, вновь и вновь вспоминая каждую деталь ужаса, который только что пережил.

— Что теперь делать? — Я вспомнил про деньги в кармане. — Нужно бежать! Куда? Кругом камеры, я тут никого не знаю толком. — Я резко выпрямился. — И Ксюша ещё!

Крутанул стартером, завелся.

— Срочно к ней! — Я помчался к себе.

Утро в самом разгаре, а я мчался по лестнице, не дожидаясь лифта. Синее небо с лёгкими облаками нависло над городом.

Уже на этаже понял, что даже не запыхался. Открыл замок.

На пороге споткнулся о кроссовки — и как они тут оказались? — чертыхнулся и увидел Ксюшу через коридор. Она стояла на кухне с чашкой в одной руке и дымящимся чайником в другой.

— Привет! Ты рано, что-то случилось? — Она освободила руки, составив всё, что в них было, на стол, сказала: — Подожди, — и выпорхнула ко мне.

В старой растянутой чёрной футболке и коротких оранжевых шортах. Обняла меня, чмокнула в щёку.

— Проходи! А у нас гость! Твой друг!

Я глянул на кроссовки и узнал их — они не мои. Подняв взгляд, увидел в проёме кухонной двери виновато улыбающегося Вадима.

— Привет, Серёга.

— Мя-а-а?

Кто-то выключил свет, тело потеряло вес, стало тихо и спокойно.

Глава 9

В абсолютной тишине я услышал звук. Он был похож на короткий сигнал. Я словно открыл глаза в темноте. Ничего не увидел и закрыл, сменив беспокойную тьму на небытие. Через некоторое время он повторился. Ещё раз, ещё, пока не стал сплошным потоком. Хотелось закрыть уши, но у меня не было ни рук, ни, возможно, самих ушей.

Вдруг звук оборвался. Снова стало тихо. Спокойно и хорошо. Я был словно в мягкой и тёплой невесомости.

Появился свет. Не яркий, а словно приглушённый. Он осветил периферию.

Звук вернулся.

"Сергей".

Я забарахтался в темноте.

«Не пугайся».

Мне захотелось ответить, но рта не было тоже. Я запаниковал. Но эта паника была пустотой в вакууме.

«Не пытайся говорить, думай. Я услышу».

Мысленно напрягшись, я пытался вспомнить буквы, чтобы сложить из них слова.

«Это просто, представь», — вторил звук.

Я заставил себя успокоиться и попытался представить, точнее увидеть. Сначала это была точка, которая развернулась в горизонтальную линию, повернулась на девяносто гра-

дусов, опять став точкой. Это помогло сконцентрироваться. Первое, что я понял, было осознание, что я слышу не звук. Я слышу... Или я чувствую... Мысль? Слова? Никаких образов, только информация. Без тембра, без интерпретаций. Словно это я сам разговариваю с собой.

Я представил, как шевелю указательным пальцем руки. Раньше это помогало очистить голову. Каким-то слоем сознания отметил, что ни о чём не думаю. Парадокс.

— Я... Где я? — Не бывает людей, которые бы хоть раз не разговаривали сами с собой.

«Данный вопрос неконструктивен, потому что находится в области метафизического существования личности в пространстве и времени одновременно и по отдельности», — я ощутил этот ответ, не услышал.

Значит, я не сам с собой разговариваю. Не силен в метафизике.

— А что я должен спросить? — Теперь задать вопрос получилось быстрее.

«Например, кто я?», — в ответе почувствовалось что-то необычное, словно смешок, периферия пару раз мигнула.

— Кто ты? «Я — друг. Внимание! Через секунду объективного времени ты придёшь в себя. Сейчас у тебя признаки клинической смерти, слабое сердцебиение и дыхание, но причина этому — срочная перестройка организма на молекулярном уровне».

— Я умираю?! — Это было бы громко, если бы я мог кри-

чать.

«Нет. Ты получил биотехнические дополнения».

Передо мной всплыла сцена с выстрелами на производстве. Это был не я. Точнее, это не мог быть я. Человек этого не может!

— Как... Я не понимаю...

«Объективная секунда — это много, если субъективное восприятие быстрее стандартного мыслительного процесса, но не настолько, чтобы объяснить тебе всё сразу. Ты перестроен. Теперь ты меня слышишь. Когда откроешь глаза — не удивляйся и не делай резких движений — можешь кому-нибудь навредить. Я контролирую внешнюю обстановку. Ты в безопасности».

— Да какого хрена происходит!

Появились лёгкие, которые наконец сделали глубокий вдох.

Я открыл глаза.

Я увидел странный корабль, мерно плывущий по поверхности прозрачного солнечного моря. Рождённые тёплыми порывами ветра, с тонким ароматом мяты, мелкие всплески водяной плёнки, под которой перетекало более плотное вещество, как растворённая соль в море, которое собрано в каплю. Оно брызгало солнечными бликами, словно диско-шар из кривых зеркал.

Я наблюдал за кораблём. Он был странный: из него торчали в разные стороны какие-то обрывки, словно обломки

мачт, и он был утыкан ими, как подушечка для иглолок.

Свет снова преломился, и я увидел, что этот корабль сплетён из обломков.

— Что за... — начал я, но не успел договорить.

«Принял, настройка фокуса, — механически пронеслось в голове, — калибровка окончена».

Корабль стремительно уменьшался, и вот он оказался пылинкой на слезе, трепещущей на ресницах Ксюши, которая склонилась надо мной.

Её частое дыхание с мятным вкусом согревало мои губы.

Я почувствовал ритмичные сдавливания груди.

Если она склонилась надо мной, то кто давит на грудь?

Сознание понеслось с шумом крови, разгоняющей кислород. Вадим!

— Стой. Хватит. — В глотке пересохло, получилось тихо и неразборчиво.

Тем не менее давление на грудь прекратилось.

Ксюша прижалась к моему лицу, и её слёзы оказались на моих щеках. Она обвила мою голову руками и плакала. Целовала горячими губами лоб, щёки, глаза и плакала. Её волосы закрыли наши лица.

Я понял, что моя голова покоится на её коленях, а сам я лежу в коридоре у входа.

— Ну ты, брат, даёшь, — прохрипел Вадим, тяжело отползая от меня и прислоняя спину к стене.

Я аккуратно погладил её по волосам, она замерла, но ещё

всхлипывала.

Вдруг, словно опомнившись, отстранилась, и я невероятным усилием заставил себя не заблокировать её пощёчину. Но боль всё равно не почувствовал.

— Интересно, а летать я могу? — промелькнуло в голове.

«Нет, — я получил мгновенный ответ, — в текущей форме оболочки для кратковременных полётов в атмосфере планеты без технического и защитного снаряжения необходима энергия, сопоставимая с биологической массой данной планеты весом от полутора тонн. Однако переработка такого количества массы займёт до трёх часов и неэффективна. Могу привести технические расчёты...»

— Заткнись. — Стоило об этом подумать, как сразу вернулся слух и я услышал тяжёлое дыхание рядом.

Я принял сидячее положение и устался на Вадима. Он продолжал с шумом втягивать воздух, обратив лицо к потолку, закрыл глаза, на нас не смотрел. Его ладони мелко подрагивали.

Я почувствовал стук его сердца и замотал головой, отгоняя этот звук.

— Где кот? — спросил я.

Ксюша шмыгнула мокрым носом, смахнула от лица влажные тяжёлые пряди.

«Млекопитающие семейства кошачьих...».

— Заткнись. - Я намерено медленно проговорил про себя этот приказ.

— Серёж, ты как? — Ксюша снова навалилась на меня и зарыдала.

— Да всё нормально, Ксю, ты чего? — Я гладил её по голове, не выпуская Вадима из виду. — Я что, упал?

— Угу, — она вытерла об меня слёзы. — А почему Кот? Ты так и не дал ему имя?

— Не придумал. Помоги подняться? — Я для виду покряхтел.

Она поддержала меня. Встав на ноги, я взглянул на Вадима сверху вниз.

— Давно не виделись, — обнимая Ксению за плечи, я обратился к другу. — Считай, что целую жизнь.

— Ха-ха, — он устало посмеялся. — Рад, что ты в норме. Ты так рухнул... Еле откачали...

— Ксюш, можно чаю? — Я повернулся к ней.

— Угу, — она всхлипнула и, отпустив меня, направилась на кухню. — Мне бы лучше коньяка.

Вадим уважительно посмотрел ей вслед.

— Не хочешь объяснить, почему ты здесь, а не в тюрьме? — Я расположился рядом с ним на полу.

— А что мне там делать? Я ни в чём не виноват, — он упёрся взглядом в стену напротив. Он дрогнул, кровь в его жилах на мгновение затихла, а потом вновь забилась ритмичным стуком. Чёрт! Откуда я это знаю! Стук его сердцебиения меня взбесил.

— Что ты мне вешаешь?! — С громким шёпотом я раз-

вернулся к нему и схватил одной рукой за грудки. — Я видел, как ты душил её! — Голос превратился в рык, кончики пальцев защекоotalo.

Я уже не говорил, а мотал Вадима. Ворот его чёрной футболки, растянувшись, опасно затрещал.

Он посмотрел мне в глаза прямо и не моргая.

— Я её не убивал. Мои руки разжались, и я устало облокотился на стену.

— Я сам видел, — тяжело дыша, прохрипел я в ответ. — Ножом ткнул и душил. — Передо мной снова возникла картина, в которой он смеётся с ножом в руке, а я смотрю на свои испачканные чужой кровью ладони.

— Меня даже в городе не было, — он продолжал тихим голосом вбивать мне гвоздь в голову.

Кровь запульсировала в висках, и на мгновение голову пронизала острая боль и отпустила.

«Стабилизирую внутричерепное давление, — раздалось в сознании. — Провожу анализ памяти, - через мгновение, - ошибки нет, зрительная идентификация объекта подтверждена. Произвести нейтрализацию индивида?».

— Заткнись, — вслух ответил я.

Вадим удивлённо посмотрел на меня, немного отстранившись.

— И её не было тоже, она уезжала к сестре на неделю, — он принялся подниматься. — По крайней мере, уезжала при мне.

— Мальчишки, чай на столе! — раздалось из кухни.— Ты мне всё расскажешь, понял? — Я для убедительности ещё помял ему футболку.

— Ладно-ладно, — поспешно вставил он, пытаясь отстраниться. — Ты чего грубый такой?

— А это от твоих ответов зависит, Вадик, — я резко, одним рывком встал, снова оказавшись над ним. — И лучше говорить правду.

— Да ты что, Серёга, — он протянул руку. — Когда я тебе врал?

— Не знаю, — честно ответил я и протянул в ответ свою ладонь. — Чтобы сестре — ни слова.

Он кивнул, мы пошли пить чай. Я пропустил его вперёд.

По кухне от стола к гарнитуру порхала Ксюша. Кухня маленькая, стульев всего два. Гостей у меня, кроме Вадима, никогда не было. Кот у плиты хрустел кормом.

— А коньяка у тебя нет, Серёжка, — она подхватила тарелку с бутербродами и водрузила на стол, — как-то несерьёзно живёшь.

— По средствам живу, — я ответил, гадая, откуда появилась дома хлеб. — Садитесь, я постою.

— Ты что! — Она подлетела ко мне. — Только сейчас валялся! Садись!

Ксюша потянула меня за руку, хотя я уже удобно устроился, прижавшись к углу кухонного гарнитура. Вадим уселся на своё привычное место у окна.

— Я в порядке, — попытавшись освободиться от её хватки, я немного резко дёрнул локтем. — Ой, прости.

— Ого, — она слегка отступила, потом опять шагнула ко мне и принялась щупать бицепс, слегка поджав губы. — Накачались, да, Сергей Константинович?

«Не смей причинять ей вред!» — скомандовал я своему новому внутреннему голосу, которому ещё не придумал имя, если только называть его «Заткнись»?

«Принято», — ответ скользнул по краю сознания.

— Ну я, конечно, не хваюсь, — я попытался отшутиться. Всё это время Вадим заинтересованно глядел на неё, поэтому мне пришлось незаметно показать ему кулак. Кулак его смутил, и он угрюмо уставился в стол.

Обжигая пальцы, я принял дымящуюся паром кружку. Мгновение спустя пальцы не ощущали жара, но тактильность не потеряли.

«Слушай, друг, — обратился я к своему „Заткнись“, — дай хоть немного себя нормальным почувствовать! Верни ощущения... — Я осёкся. — Но не полностью! — Кружка потеплела. — Вот, нормально. У меня к тебе куча вопросов, но потом...».

Ответом было молчание, и я решил, что постепенно могу контролировать свою шизофрению. Но просчитался.

«Оболочке необходима энергия. Наблюдаемая углеродно-жировая растительная масса рекомендуется к переработке», — красным светом запульсировало в голове.

«Ничего не понял! — Я попытался прикрыть глаза от раздражающего света, который мигал внутри черепной коробки. — Говори нормальным языком!».

«Съешь бутерброды», — понял я в ответ.

«А, понял, — мигание пропало. — Вот так и будем общаться, ок?».

«Ок», — словно цоканье языком в ответ.

Вадим с Ксюшей молча жевали свою углеродно-жировую растительную массу, и я тоже засунул одну такую в рот.

«А почему только углеводно-жировая? Колбаса — это же белок», — я решил проверить, насколько глубоко можно пользоваться своим новым приобретением.

«Сомневаюсь. Химический состав продукта не содержит животного белка, а наличие растительного больше напоминает случайную примесь», — мне показалось, что я уловил нотки насмешки.

«То есть на „полетать“ не хватит?» — съязвил я.

«Про „полетать“ была шутка. На тот момент она была необходима для поддержания стабильного психического состояния. К сожалению, данная область вне моей компетенции».

Я чуть не поперхнулся чаем. Вот это новости. Оно ещё и шутит.

«Как тебя называть?» — Мне нужно было имя, чтобы стереть ощущение, что я разговариваю сам с собой.

«Назвать меня? - Возникла пауза. - Но „я“ было примене-

но для начального контакта. Правильно говорить „мы“. Мы — экспериментальная автономная колония нанороботов человеческих».

«А если короче?» — Я потянул в рот второй бутерброд. Какая ещё масса? Нормальный бутер.

«ЭКОНЧ», — ответила колония.

«Фу!» — Я закашлялся. Вадим подскочил, чтобы похлопать, я остановил его жестом, проглотил недожёванный кусок.

«А, понимаю, — ответила колония. — Этимология аббревиатуры ассоциируется с биологической жидкостью...».

«Стоп, — снова оборвал я его научный спитч, — я могу придумать „вам“ имя?»

— Серёж, будешь чак-чак? — Ксюша полезла в холодильник. — Вадим принёс! И хлеб.

Я посмотрел на него, он развёл руками:

— У тебя вечно шаром покати.

— Неправда! — Я возмутился. — Колбаса же была!

«Назову вас „Чак“?» — Я протянул сестре пустую тарелку.

«А как расшифровывается данная аббревиатура?»

На секунду я задумался.

«Чрезвычайная автономная колония», — выпалил первое, что пришло мне на ум.

«Принято, Сергей, спасибо, — мне показалось, что мысль стала теплее, будто с оранжевым оттенком. — Сергей?».

«Да?» — С набитым ртом откликнулся я.

«Съешь всё. Спасаясь, мы потратили много энергии. Мужская особь тебе нужна?»

«Что?!» — Мне показалось, что я неправильно понял его.

«Всё до костной ткани мы переработаем по объективному времени за 9,5 секунд. На костную ткань уйдёт минута, но данной массы хватит с запасом», — буднично объяснял мне Чак.

Я вспомнил кость в руке, отсутствие крови и словно опалённые края раны. Это была нога Фарита.

— Я наелся, ребята. Давайте прогуляемся? — Решительно поставил тарелку с остатками на стол.

«Тогда млекопитающее семейства кошачьих?» — Чак словно умолял.

— А давайте ещё кота возьмём? У меня где-то шлейка была... — Я с идиотской улыбкой выскользнул из кухни искать эту шлейку.

Я принялся копаться в прихожей, пытаюсь не слушать Чака, пока на кухне позвякивали посудой о раковину и шумела вода. Я боялся думать. Новая просьба кого-нибудь «переработать», и я свалюсь без чувств. Чак не вмешивался.

— Я сейчас переоденусь и пойдём, — Ксюша оказалась рядом и наблюдала за тем, как я вошкаюсь в тумбе прихожей.

— Не нашёл ещё?

— Да где-то тут была, — я наконец увидел кислотно-зелёную полоску нейлона. — Вот она! — Торжествующе улы-

баясь, я продемонстрировал её Ксении.

— А кот где?

— Блин, сейчас найдём, — появился Вадим и направился на поиски.

— Только в спальне не ищи, — Ксения жестом указала на свою комнату. — Сама посмотрю.

Вадим пожал плечами и направился в большую комнату.

— Ксюш, — она обернулась ко мне, — возьми документы с собой и там... — Я замешкался, соображая. — Брось в рюкзачок с собой документы, ключи, деньги, зарядку. — Она подозрительно прищурилась на меня. — На улице полиции много стало, постоянно спрашивают паспорт, прикинь! — Я начал эмоционально размахивать руками, подкрепляя тем самым своё возмущение. — Да и хозяевам не доверяю, вдруг припрутся? — Совсем неубедительно закончил я.

Она смотрела на меня неподвижно ещё несколько секунд.

— Ладно, Серёжка, потом объяснишь, — и как ни в чём не бывало весело скрылась в спальне, не забыв закрыть за собой дверь.

— Идиот, — я размазал ладонью стыд по лицу.

«С медицинской точки зрения, идиот — это человек, страдающий...».

«Чак», — позвал я.

«Да?»

«Заткнись, — я решил, что обижу его. — Пожалуйста», — вот так любезней.

Кот в конце концов нашёлся, словно что-то почуяв, посопротивлялся немного, но усилиями трёх человек оказался облачён в странный поводок на грудь.

— Чего испугался, дурашка? — Ксения наглаживала прижавшегося к ней дьяволёнка.

— Наверное, потому что он никогда ещё не гулял, — догадался я. — Вот и страшно.

— Сергей, я ни разу не удивлена, поработаем над этим, — самоуверенно заявила она.

Я отыскал свой рюкзак, закинул туда всё необходимое, деньги Фарита оставил в карманах. Мы спустились на улицу. Попросив их подождать немного, я достал из машины передатчики и сложил в рюкзак. Благодаря усиленным чувствам заметил, как Вадим наблюдает за моими действиями, нервно прикусив губу.

«Чак», — мне в голову пришла дурацкая идея.

«Сергей?».

«Вадим — обычный человек?» — Недоверие к другу всё ещё скреблось изнутри.

«Абсолютно. Анализ пото-жировых выделений соответствует человеческой расе, проживающей на данной планете» — Чак продолжал сыпать загадками.

«Есть ли жизнь на Марсе?» — Я вспомнил цитату из комедии.

«Нет», — сухо ответила колония нанороботов у меня в мозгу.

«Жаль, — мне стало смешно. — А люди на других планетах живут?».

«Да», — он ответил так, словно это само собой разумеющееся.

От неожиданности я стукнулся головой о крышу машины, пытаясь выползти наружу.

«Хорош шутки шутить», — пожурил я его.

«Сейчас я совершенно серьёзен, — сухо ответил тот. — Могу перечислить известные мне данные о количестве и составе колоний и...».

«Стоп, — я тряхнул головой, — с этим разберёмся позже, сейчас нужно придумать, где залечь на дно». — Я надеялся, что услышу от него подсказку, но он, видимо, решил, что я справлюсь самостоятельно с данной проблемой, или что это вообще не его дело.

Позвал ребят, и мы двинулись по проспекту со скоростью кота, который то и дело пугался машин, собак, других курьеров, проносящихся по тротуарам на электротранспорте и велосипедах, и норовил залезть в кусты цветущего шиповника на обочине.

— Надо же, ещё цветёт, — Ксения, которая шла между мной и Вадимом, подошла к одному кусту со свежими цветами и жадно вдыхала аромат.

— Здорово придумали их тут посадить!

Она вернулась обратно, и мы потопали дальше. Лёгкий ветерок приятно обдувал лицо, жара становилась невыноси-

мой.

Встречные люди с интересом поглядывали на нас.

— Ребята, мы странно выглядим с рюкзаками, будто в поход собрались, — она весело засмеялась, глядя то на меня, то на Вадима, который грустно улыбнулся в ответ.

— А может, и в поход? — Я как раз придумал, куда бы нам направиться. — Предлагаю в парк!

— А что там? Деревья и скамейки? — Она приняла серьёзный вид. — Братец, — специально сделав на этом слове ударение, продолжила, — я тут жила подольше твоего, на парки ваши насмотрелась.

— Ксюш, да давай сходим, куда он хочет, а потом по каналам покатаемся? — подал голос Вадим.

— Ладно, скучные вы, — она закатила глаза. — Но так уж и быть, сделаю вид, что впервые вижу деревья.

— И скамейки, — хохотнул я и получил локтем в бок. Спасибо Чаку, что не больно.

Нам нужно было убраться подальше, и туда, где нет камер. Я не понимал, что там сейчас на производстве, да и с Вадимом лучше разговаривать подальше от людских глаз. Ну и денёк сегодня.

«Чак?».

«Сергей?».

«Почему я не потею? Жарко же», — только сейчас до меня дошла эта странность.

«Нам нужна еда», — объяснил Чак.

Пройдя до следующей остановки, мы погрузились в трамвай и зайцами доехали до конечной. Оттуда вызвали такси. Надеюсь, что деньги Фарита не мечены.

Шуваловский парк на севере города, рядом частный сектор, в котором есть старинные постройки. Однажды я заблудился и забрёл туда. Мне запомнился дом какого-то банкира. Полузаброшенный. Погуляем, поговорим, и станет ясно: спрячемся мы в нём втроём или вдвоём.

Расплатившись с таксистом, я поймал подозрительный взгляд Ксении. Она удивилась, когда в моих руках заплясал кругляш из купюр, который я неловко разматывал. Отметив про себя, что нужно придумать какое-то правдоподобное оправдание, я повёл нас к Каменной скамье. Кот устроился в Ксюхином рюкзаке, который она перевесила со спины на грудь.

Так, купаясь в лучах солнца, пронизывающих смешанную листву парка, я жадно вдыхал свежий воздух, надеясь, что он прочистит мозг.

Пока Ксения осматривала доты и баловалась с котом, Вадим подошёл ко мне.

— Ты в порядке? Глаза у тебя странные... Ты будто постарел, — Вадим дружелюбно улыбнулся, но, не дождавшись ответной реакции, признался: — Меня действительно там не было, Серёга. — Он принялся рассказывать: — Я конкретно подсел на сувениры, начал таскать отказные, хотя не понимаю: как можно от них отказаться? — Я не перебивал, молча

слушал его и его сердце. — Потом попался мне одна девчонка, я ей заказ привёз. Хорошенькая, рыжая. Прикинь, «Надежду» заказала!

— Одну? — не выдержал я.

— Что? А, да, одну. А почему ты спрашиваешь? — Я неопределённо пожал плечами. — Ну вот, слово за слово, чай пить позвала, — он словно снимал один слой краски за другим. — В странном доме таком живёт, с фонарём большим, типа луны.

Я перестал дышать, пазлы складывались, но картина получалась не радостная.

— Потом не помню, Серёг. Очнулся голышом в каком-то сарае за городом. Петухи поют, свиньи хрюкают. Рядом шмотки, не мои, но по размеру. Денег немного, паспорт. Телефона нет, ключей от машины нет, — он закашлялся. — Кха-кха, еле добрался до города. Домой двинул — никто не открывает, тачка припаркована, вся в помёте. Меня несколько дней не было, — он замолчал, успокаивая дыхание. — Веришь? — И, не дождавшись ответа, продолжил: — А потом сижу у соседнего дома на лавочке, тётки мимо ходят с собаками своими, и слышу: убийство, сбежал, 77-я квартира и так далее. — Он взмахнул руками. — Я обалдел! На утро решил к тебе, больше не к кому. Всю ночь по кустам прятался...

Закончив тираду, он заглянул мне в глаза. Было похоже на правду. Да и не мог тот Вадим, которого я знал, совершить

подобное. Подумав об этом, я ухмыльнулся, вспоминая свои приключения утром.

— Пойдёмте к прудам, а потом на каналы поедем! — Ксюша безапелляционно показала направление.

Кивнув друг другу, мы с Вадимом пошли, куда сказали.

Время перевалило за полдень. Мы проголодались и оформили доставку фастфуда прямо в парк. Я надеялся, что телефон сестры ещё не отслеживают, поэтому заказывали через неё. Перекусив и накормив кота, который освоился со своей новой ролью — Ксюшиной игрушки, — поэтому пару раз пытался заманить её за собой на дерево.

До вечера было ещё далеко, а я пока не мог придумать, как объяснить, что мы не сможем вернуться в мою квартиру и вообще теперь вынуждены скрываться. Надо уговорить Ксю поехать домой, к родителям, пока не поздно, да и не пристало ей ночевать где попало. Я решил, что у меня есть время сочинить речь, не сильно раскрывая подробности. А Вадим? Сначала Ксю, потом мы с ним решим, что делать.

Поэтому мы всё-таки отправились в центр города, чтобы покататься по каналам. Очередной таксист радостно принял наличные и всю дорогу развлекал нас свежими новостями.

— Слышали? — Водитель сделал музыку тише. — Сегодня дом горел в городе!

— Город большой, — я неопределённо махнул рукой.

— Это да, — он кивнул. — Но по радио говорят, что он выгорел только изнутри, хотя деревянный.

— Может, пропитка огнеупорная? — Вадим включился в разговор.

— Может, конечно, и пропитка, но я полжизни строил, — таксист покачал головой. — В деревянных постройках понимаю, дерево так не горит.

Я сидел на заднем сиденье, и он быстро посмотрел на меня через зеркало. Дальше они с Вадимом обсуждали возможные причины, потом политику, а остановились уже на футболе. Я не вмешивался, просто держал Ксюшу за руку и смотрел на город за окном.

Мы добрались до Михайловского замка и оттуда дошли пешком к пристани на Фонтанке. Оплатили поездку, заняли места на палубе. Через некоторое время отчалили. Я наслаждался ветром и запахом воды. Надо же, мне не нужны были больше солнечные очки, так как никакого дискомфорта от бликов солнца я не испытывал.

— Может, расскажешь, что у тебя случилось? — Ксения прервала мою идиллию и заставила снова анализировать окружающий мир.

— Ты о чём? — Я попытался вернуться к упущенным мгновениям, когда ощущал покой и безопасность.

— Ты разбогател? — Никакого покоя. — Ты кого-то обворовал? — Никакой безопасности.

— Ксюш, — я посмотрел на неё: яркую в лучах солнца, с волосами, которые при лёгком ветре норовили чёрной вуалью закрыть лицо и прилипнуть к пухлым губам.

«Она же не родная сестра, — вспомнил я. — Почему я раньше не замечал, какая она красивая...».

— Ксюш, прости, но всё так сложно, — я осторожно приобнял её за плечи, чуть не разбудив кота, который спрятался от солнца, а главное — от воды, поглубже в рюкзак и уснул. — Я ничего плохого не делал, правда, — я прижался губами к её волосам и дышал. — Всё так быстро произошло, что я сам ещё ничего не понимаю, — бормотал я, не отпуская её.

Какое-то время она словно поддавалась мне, потом отстранилась, убрала тяжёлые пряди от лица и посмотрела в глаза. Нет, глубже. Посмотрела прямо в сердце.

Я почувствовал, как её пульс ускорился, увидел, как расширяются зрачки.

«Сергей!» — раздалось в голове.

«Отстань», — мысленно пробормотал я, всё больше погружаясь в эти карие глаза.

«Тревога!» — Чак словно включил сигнализацию: сознание залило красными взрывами.

Я оглянулся.

«Идиот!» — На палубе были ещё пассажиры. И преимущественно это были мужчины. Крупные, спортивные, коротко стриженные. Как на подбор. Были и дамы, но они не особо отличались от кавалероов, разве что причёской.

Заиграла мелодия звонка. Это был телефон Ксю. Она ответила на звонок.

— Алло? Кого? — протянула мне мобильник, удивлённо

вздёрнув брови. — Тебя.

— Кто? — Я ещё туго соображал.

— Не знаю, неизвестный номер.

Я принял аппарат и приложил его к уху:

— Слушаю, — я тихо, словно боясь услышать ответ, прошептал в микрофон.

— Сергей, ну ты наделал делов! — знакомый голос!

— Ясень? — Спонтанно спросил я.

— Кто? — Голос в трубке показался сбитым с толку.

— Ярослав Фёдорович это, — голос вновь приобрёл нотки властности. — Мы всё знаем, нам с тобой надо поговорить.

Ты не дёргайся, и друзья твои тогда не пострадают, — он принялся давать инструкции. — Сейчас к тебе подойдёт человек, отойдёшь с ним. Когда причалите, садись в машину.

— А остальные?

— Твоему другу, — он сделал паузу, словно подбирал слово, — и сестре ничего не угрожает, они поедут следом за тобой, чтобы ты не волновался.

Вадим, услышав разговор, взволнованно смотрел на меня и вопросительно качнул головой. Жестом я попросил его не дёргаться.

— Ну хорошо, — я согласился на условия Ясеня.

«Чак? Что делать?» — сознание металось в панике. Я снова вспомнил допрос и как себя чувствовал. Они теперь посадят Вадима!

«Анализирую. Мало данных. Опасность. Мобилизую ре-

сурсы», — Чак монотонно перечислял действия. Я почувствовал, как разогревается моя кровь. Ощущение, словно укол эфира в вену.

Подошёл один из пассажиров, молча указал направление, куда следовать.

— Ксюш, всё хорошо, знакомые просто, — я попытался её успокоить. — По работе вопросы.

Нехотя вытянув руку из похолодевших пальцев Ксении, я слегка щёлкнул её по носу и подмигнул.

Поднялся и двинулся в указанном направлении, кинув прощальный взгляд на Вадима. Провожатый устроился позади, следя, чтобы я не нырнул в воду.

Подойдя к ступеням, ведущим вниз на крытую часть палубы, я увидел там человек десять в камуфляже, в балаклавах и с автоматическим оружием. Оглянулся.

Ксению и Вадима окружили четверо пассажиров. Поднялся ветер в их сторону, и я не слышал, о чём они говорили, — только резкие возгласы, которые я интерпретировал как несогласие Ксении следовать чьим-то там указаниям и самим идти куда-то, но точно дальше, чем предлагали ей и Вадиму. Один из короткостриженных грубо схватил её за локоть, на лице Ксю отразилась боль, рот приоткрылся, вероятно, в крике. Вадим среагировал мгновенно и впечатал кулак грубияну в нос. Всё замедлилось. Кровь из разбитого носа медленно полетела в лицо другому пассажиру, который инстинктивно зажмурился. Руки стали тяжёлыми. Звуки про-

пали.

«Готов!» — доложил Чак.

Я резко развернулся на пятках и ударил прямыми пальцами в горло словно застывшему провожатому. Пальцы вмяли гортань и выбили позвонок. Я увидел своё отражение в его глазах — моё лицо не выражало никаких эмоций. Первый. Мне стало страшно. Он ещё стоял, а Чак уже метнул моё тело вниз, туда, где были самые опасные.

Вооружённые ШАК-12: первые двое в камуфляже смотрели на ту точку, где я недавно был, и не успели поднять стволы. Краем глаза я отметил, что один из них даже не снял с предохранителя.

— Всё, они про меня знают, ага, — рот растянулся в оскале, страх растворился, и его сменил азарт, я словно играл в компьютерную игру.

Он умер третьим. Второму сломал колено ударом ноги, заставив тело наклониться, чтобы было удобнее свернуть шею. От удара локтем в грудь третьего пластины его бронежилета вмялись, ломая рёбра и разрывая осколками костей внутренние органы. Первые трое ещё падали, когда Чак снова бросил моё тело, теперь уже влево, уводя от очереди крупнокалиберных пуль. Они разбили оконные стёкла и сломали раму, которая вывалилась в реку. Воздух стал кислым от сгоревшего пороха и подрагивал, словно раскалённая дымка.

Я упал на четвёртого, сбив его, столик, привинченный к полу, стулья. Не останавливаясь, перекатился и прыгнул с

места в ноги пятому, перехватив голой рукой горячий от пороховых газов ствол автомата. Ублюдок снова нажал на спуск, но я увёл ствол в сторону его ублюдошных товарищей. От шестого и седьмого полетели ошмётки казённого обмундирования и мяса. У седьмого ещё раскололся череп под балаклавой, и мозги полетели исследовать потолок. Пятый наконец-то расстался с правой рукой; его челюсти беззвучно открывались, демонстрируя ровные здоровые зубы и розовый язык — видимо, он истошно кричал. В борьбе лицо обнажилось: молодой парень с модной короткой растительностью на лице. Оставшейся рукой он пытался столкнуть меня с груди.

Четвёртый поднялся на ноги, но рука пятого, отягощённая всё ещё сжимаемым оружием и ускоренная Чаком, выбила безбилетника за борт.

Из-за своей наглости пятый разжился ещё и тремя сломанными пальцами.

Я огляделся: осталось четверо. Двое сгрудились у окна, не успев сориентироваться, а двое заняли грамотные позиции в углах у входа. Они собирались убить меня. Пятый затих, в память врезался его запах: мускуса и железа.

«Не хватает ресурсов, — заявил Чак, — падение производительности».

Я не успевал спасти Ксюшу и Вадима, нужно было отступить, и я бросился на двоих у окна, увлекая их за собой в воду, провожаемый стальными жалами пуль, разрывающими

хлипкую обшивку судна.

Что-то молотом ударило меня в поясницу, и я погрузился в прохладную реку, быстро опускаясь вниз вместе с двумя стрелками.

Сознание помаргивало, отключаясь. Я тонул и даже не пытался всплыть.

«Сергей, разреши?» — последнее, что я услышал от Чака перед тем, как стало темно.

И я разрешил.

Глава 10

- Серёга! Вот, ты не куришь и не пьёшь, а всё равно умрёшь! - Он счастливо засмеялся, радуясь удачной шутке. Его рана под правой ключицей забулькала. Кровавые пузыри звонко лопались, брызгая в мою сторону. Евгений стоял за железным столом на производстве и улыбался мне глазами сквозь разбитые стёкла очков.

- Жека, прости меня, я правда не виноват... - тихим шёпотом ответил я. Во мне что-то шевельнулось и схватило сердце. Оно сжало и отпустило его, потом ещё раз и ещё, наконец сжало и больше не отпускало.

Евгений смотрел на меня не отрываясь. Сначала он смеялся, а потом его губы сложились в трубочку, и он засвистел. Сначала тихо, потом всё громче. Словно чайник на плите. Свист стал невыносимым, и я зажмурился.

Потом пришла боль. Она крюком вонзилась в поясницу и начала ворочаться, задевая внутри какие-то жилы, которые вибрировали словно струны после каждого касания.

- Громов! - прогремело в ушах.

Я с усилием открыл глаза. Передо мной в полицейской форме стояла майор Юлия, сложив руки на груди, она поджала тонкие губы и пристально глядела мне прямо в душу, проводя в ней обыск. - Вы арестованы! - Она разомкнула руки и шагнула ко мне. Её лицо исказилось, меняя черты, тело

из женского трансформировалось в крепкое мужское, волосы на голове пропали, а в руке появилось канцелярское шило.

- Хочешь, помогу? - прошипел он, и я очнулся.

Надо мной низко раскинулось серое небо, изрезанное тонкими шрамами сосновых иголок. Холодный липкий пот, которым я был покрыт, мгновенно высох, стало тепло и сухо. И мягко. Я лежал на чём-то мягком, надо мной колыхались от начинающегося ветра ветви сосны. Серое небо клубилось в схватках перед дождём.

Появился запах. Слабосолёный, с нотками смолы.

Появился звук. Шорох волн о берег и шум ветра, разрываемого ветвями и вновь смыкающегося в единый воздушный поток. Лес и много воды.

- Чак? - губы разлепились с трудом, и я позвал вслух.

"Я здесь" - в голове разлилось жёлтым.

- Мы живы? - перед глазами всплыли сцены недавней бойни. Недавней ли.

Чак молчал две секунды:

"Мы живы"

- Как? - я лежал неподвижно, наблюдая, как запоздалый муравьишка спешит по ветке, огибая иголки, капли смолы и нити паутины, которые, словно канаты, стегали пространство вокруг него, норовя схватить.

"Моя задача - жизнь этой физической оболочки. Задача выполняется успешно" - я заметил в его ответе всполохи си-

него и красного. Он раздражён?

- Оболочку? - второй раз услышав это название моего тела, я встrepенулся и попытался приподняться на локтях. Было непривычно тяжело. От натяжения в пояснице что-то лопнуло горячим. Я обмочился. Я закрутил головой, убеждаясь, что один и никто не заметит мокрого пятна.

"Почему люди ведут себя нерационально?" - Чак впервые задал мне вопрос.

- Не понял? - я снова разлэгся, ощущая, как высыхает одежда. Кожа на бёдрах словно раскалилась, волоски на ногах зашевелились.

"Лежи спокойно. Полученные нами повреждения в процессе стабилизации, - тело расслабилось, - если бы мы использовали хотя бы... ката, то пуля не проникла бы дальше эпидермиса. Ты запретил. Когда появились ресурсы - нужно было решать уже несколько задач: регенерация, отсутствие воздуха, отступление". - мир моргнул и снова обрёл чёткость. Дождь должен был начаться вот-вот.

- Какие ресурсы? - я спросил машинально, уже зная ответ, но пока ещё не контролировал свои эмоции.

"Две крупные оболочки, - хладнокровно доложил Чак, - достаточно, но без существенного запаса. Твоя оболочка не способна запастись ресурсы. Их нужно постоянно пополнять".

Я часто задышал, мне не хватало воздуха, мешала одежда, кожа. Хотелось кричать. Хотелось разорвать себе грудь

ногтями.

- Я убийца! - еле слышно выдавил я, - я... Я их... - мне захотелось умереть.

Небо перед глазами закрутилось, превращаясь в серо-зелёную массу. Приемлемую для переработки... Я не понял, чья это мысль: моя или его.

"Пожалуйста, не волнуйся, мне нужна ещё минута субъективного времени, чтобы переработать металл снаряда и убрать шлаки" - Чак аккуратно отпустил контроль над телом, и я смог самостоятельно шевелить пальцами.

После минутной слабости мне уже не хотелось причинять себе вред.

- Что с Ксюшей и Вадимом? Ты знаешь?

"Настоящий статус неизвестен, - Чак показал мне в замедленном режиме секунду моего прыжка в окно прогулочного теплохода, периферия зрения отметила пустую верхнюю палубу, - полагаю, что в тот момент они лежали на полу палубы, чтобы избежать огневого поражения" - Чак ещё раз медленно прогнал запись, услужливо увеличив изображение.

- Нужно выяснить, что с ними, - у меня появилась цель, и я вцепился в неё, чтобы сознание не рассыпалось.

Посмотрел на свои ладони - они были такими, какими я привык их видеть - мои ладони. Лучше бы они были утыканы мелкими хищными зубастыми пастями.

Ожидая внезапной боли или иных неприятностей, перекатился на живот. Подо мной был рыхлый песок, покрытый

слоем сухих сосновых иголок. Поднялся. Лес натужно шумел, ветер усилился. За спиной водная гладь ершилась волнами, разбрасывая пену. Зелёные островки осоки обзавелись собственными, словно снежными, полями взбитой пены. Пара чаек, балансируя в воздухе, зависла надо мной в ожидании подачек. Видимо, люди для них не в новинку, значит, я недалеко от цивилизации. Проверил одежду и, убедившись, что позорного пятна и запаха нет, спросил:

- Где мы? - надеюсь, что Чак знает, куда нас приволок. Мутная даль горизонта ни о чём не говорила, - географически?

"Километров двадцать от места погружения. Западнее." - видимо, навигатора у него встроенного не было.

- Сколько времени прошло? - я принялся собирать информацию, надеюсь восстановить порядок событий.

"Скоро рассвет" - неожиданно ответил Чак.

- Ты стал романтиком? - начинался дождь, и я прижался к стволу дерева, решая, в какую сторону пойти.

"Я учусь." - мелькнуло в голове.

- Ученье - свет! - авторитетно заявил я и выбрал направление направо вдоль берега, - Посмотрим, где же мы, - песок не собирался сдаваться, и каждый шаг давался с усилием, - можешь сделать потеплее?

Ответом мне было только тепло, от которого запарила намокающая одежда. Чак решил не комментировать свои действия.

Со стороны я был похож, наверное, на дымящуюся головешку. Было странно ощущать себя сухим под дождём. Свернув с прибрежной полосы в лес, я наткнулся на экотропу - ухоженную деревянную дорожку. Решив, что она приведёт меня куда-нибудь ближе к людям, я без сомнений ступил на неё. Извиваясь и демонстрируя мокрый лес, она вывела меня на асфальтовую дорогу. Дорога приведёт меня к людям.

Так.

Стоп.

Чёрт!

- Чак!

"Ммм?" - он занят, что ли?

- У меня к тебе вопрос жизни и смерти!

"Это и есть моя функция" - он ответил без колебаний.

- Мы в двадцать первом веке на планете Земля?

"Согласно сложившейся..." - начал он нудеть.

- Подожди! Да? Или нет? - меня даже начало потряхивать от нетерпения.

"Да" - лаконичность, к которой следует стремиться.

- В большом городе, - я продолжил цепочку перечислений, - современном! В стране, где камера на каждом столбе! А ещё поговаривают, что эти камеры могут распознать человека! - Тут я решил уточнить, чтобы Чак правильно понял. - Конкретного человека по походке, по чертам лица, каким-то специальным точкам... - я проговорил на одном дыхании и сбился, - кхм, так вот...

"Я понимаю тебя, Сергей" - это прозвучало словно "нет". Но я всё же с надеждой спросил:

- Мы с тобой многое натворили. Мы... То есть я - в розыске точно. Ты можешь что-нибудь придумать?

"Дай мне минутку".

Стоя на остановке в одиночестве и стараясь забыть неприятные ощущения, от которых я орал, катаясь по земле в судорогах, я недоверчиво шупал свой нос.

То есть не свой. Мой был с лёгкой горбинкой, аккуратный, а этот - приплюснутый, с широкими ноздрями. Смуглое лицо азиата смотрело на меня в мутном отражении ладони. Да-да, ладони. Она была словно из полированного металла. Что-то эти нанороботы накрутили, навертели и заставили ладонь отражать свет. Правда, угадывались только общие черты, но всё равно было странно. Страннее, чем сам факт того, что я - больше не я.

"Это временный эффект, - пояснил Чак, - но если хочешь, экономичнее оставить так, чем снова менять".

Я же думал о том, что от дурдома меня отделяет совсем немного. Ещё пару его фокусов - и мне конец.

- А почему я стал ниже? - я разглядывал в упор свои новые временные карие глаза.

"Ресурсы" - Чак не собирался объяснять.

- А обратно? - взмолился я.

"Нужна пища. Хотя бы семейства кошачьих".

- Я куплю еды! - поспешно прервал я его.

"Шутка".

Гад! Издевается.

- Верни нормальную ладонь, пожалуйста. Не хватало ещё из-за этого... нанотехнологического чуда засветиться. - Постояв для вида на остановке, я направился к примеченной машине такси. Общественный транспорт - не наш метод: наличные там давно уже не принимают.

Мы с Чаком добрались до цивилизации в то самое время, когда люди только просыпаются, чтобы пойти на работу, но ещё раскачиваются, полусонно пытаясь почистить зубы. Пробирались мимо каких-то исторических построек, похожих на пушечные батареи, прокрались вдоль складов, не показываясь на виду, набрали на широкую многополосную дорогу. Наверное, кольцевую. За ней - пятиэтажные здания. Дорога была пуста, у зданий можно было найти транспорт. А ещё была возможность наконец узнать, где мы находимся.

Узнали быстро. Благодаря Чаку я издали прочитал табличку на административном здании, больше похожем на бассейн: "Кронштадтский...".

- Ну хоть не Финляндия, - я оценил работу, которую проделал Чак, спасая меня.

Наличные из карманов никуда не делись. Предварительно просушив несколько бумажек, немного поторговавшись для вида, отдал сонному таксисту сумму, которую он назвал, устроился на заднем сиденье и наблюдал за трепещущимся заливом из окна машины. Мы двигались по кольцевой на се-

вер города, где ещё вчера грелись на солнце.

Отпустив машину, путаясь в ставшей больше на размер одежде, я зашёл в круглосуточный павильон, ответил на приветствие: "Ас-саляму алейкум", заказал две большие шаурмы, или, по-местному, "шавермы". С жадностью Чака набросился на еду. Парень, приготовивший мне еду, старался на меня не смотреть и что-то азартно делал в смартфоне, водя пальцами по экрану и время от времени хмурия брови. Его устраивало, что я жую и не отвлекаю его.

Когда я покончил с шаурмой, с трудом заставив себя не съесть её вместе с бумагой, салфетками и целлофановым пакетом, улица заполнилась спешащими людьми. Дождь практически закончился, но зонтики то и дело мелькали за стеклом. На выходе я кивнул, прощаясь, накормившему меня человеку. Он бросил на меня рассеянный взгляд и вернулся к своему занятию. Мне нужно было дождаться открытия торгового центра, чтобы переодеться. Во-первых, по размеру, во-вторых, прикупить одежду для себя настоящего, в тело которого я всё-таки надеялся вернуться. Вспомнив, чем сопровождается такое изменение, у меня выступила испарина, которая уже привычно тут же исчезла.

- Ты уверен, что камеры не распознают меня? - чувство тревоги не покидало.

"В соответствии с известными мне данными об уровне земной технологии - не распознают, однако данный прогноз имеет процент погрешности" - нудно проговорил Чак.

- Какой?

"Ноль целых одна тысячная процента. Они складываются из возможного попадания внеземной технологии, как я попал сюда. Но массово такие технологии бесследно внедрить невозможно" - обнадежил он.

- Ладно, пойдёт такая погрешность, - уворачиваясь в не по размеру больших кроссовках от встречных людей, я досадливо цокал, - мог хоть ступни не трогать?

"Учту" - серо-синим, холодным цветом пронеслось в голове.

Проходя мимо стеклянной витрины, я случайно взглянул на отражение и на мгновение замер, переваривая в сознании увиденное.

- Мать моя... - вырвалось из незнакомого кривого рта с пухлыми губами, - ты с кого портрет рисовал? По мультикам?

"Данная внешность смоделирована из твоих воспоминаний и из имеющейся в моём распоряжении базы данных" - Чак заинтересовался темой, о чём свидетельствовали ярко-оранжевые всполохи.

- Какой ещё базы?! - Я всё ещё находился в ужасе от увиденного и старался на витрины больше не смотреть. - Базы "недостающее звено эволюции человека"?!

"Ты хотел быть неузнанным" - начал оправдываться Чак.

- Ага, с таким лицом любой ребёнок фотопортрет нарисует, - я продолжал негодовать, пока передо мной не откры-

лись автоматические двери торгового центра.

- Хотя рука теперь нормальная, - я бросил взгляд на свою новую ладонь, и меня осенило, - Чак! А почему я ничего не почувствовал?

"Углерод, - непонятно ответил он, - немного изменений".

Я решил не углубляться, сейчас было не до этого.

- Ладно, потом расскажешь.

Шопинг долго не продлился. Провожаемый быстро отводимыми в сторону взглядами, я ураганом хватал привычные мне вещи, практически не выбирая. Мятые купюры никого не удивили. Деньги действительно не пахнут, видимо. Странно, но я не чувствовал вины, тратя чужое. Надеюсь, что это нормально, но спросить не у кого.

Я купил часы. Дорогие, электронные. Чак - это, конечно, хорошо, но циферблата у него нет.

Натянув кепку на брови, с новым рюкзаком направился на парковку искать такси.

Зелёный мокрый парк Сосновский был полной противоположностью хмурому небу. Он казался чистым, а небо всё перемешивалось и перемешивалось оттенками серого и пепельного.

Я немного прошёлся по нему, собираясь с мыслями и выстраивая план действий. Потом перешёл на другую сторону проспекта Гореза и, пройдя дворами, пёстрыми от сочных клумб, увидел её. Луну. Фонарь-луну.

Она всё так же загадочно выглядывала сквозь ветви.

Странно, но голые по-осеннему ещё вчера ветви покрылись мелкими молодыми листочками. Весь этот волшебный пейзаж нарушали голые чёрные провалы оконных проёмов, поблёскивая древесным углём.

- Выгорел изнутри, значит... - Я вспомнил слова таксиста, который вёз нас на этот треклятый теплоход.

Не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам, я прошёл мимо, вдыхая запах мокрого обгорелого дерева. Запах смерти. Свернул во дворы и вышел на другой проспект.

Эта ниточка оборвана. На производстве появляться после посещения этого места слишком подозрительно. Побродив ещё немного, не выбирая направлений, я понял, что у меня осталась только одна зацепка.

Горячий американо обжигал чужие губы. Я специально попросил Чака не повышать болевой порог. Он проворчал что-то про регенерацию и про то, что люди - эмоциональные генераторы проблем.

- Эмоции, Чак, действительно кому-то нужны, - свежий кофе прояснил мне мозги, и я приступил к анализу всего, что пережил за последний месяц, - раз ими торгуют. Но зачем? Чтобы выработать зависимость?

"Нет данных" - абсолютно бесчувственно ответил Чак.

Я сидел в кафе напротив окна, пил кофе и ждал, когда принесут заказ. Те две шаурмы растворились как туман.

За стеклом - бетонный забор, обвитый сверху колючей проволокой, и металлические откатные ворота. Двое ворот.

За ними - светлое четырёхэтажное здание с кое-где обвалившейся штукатуркой, словно родимое пятно на лбу. Странно, что в прошлый раз я не отметил эти детали. Управление полиции района.

Первые минут пятнадцать я нервничал, находясь рядом с ним, и дёргался от каждого резкого звука, раздававшегося в кафе, будь их инициаторами посетители или сотрудники заведения. Пару раз заходили люди в форме за перекусом, но на меня внимания никто не обращал. Сколько я могу тут просидеть, я не знал, но не целый же день. Тогда уж точно заинтересуются.

Я не знал, работает ли Юлия сегодня, но вариантов не было. Не прорываться же мне с боем через всё управление?! Нет уж, никаких больше убийств! В это я сам не поверил, но пока решил придерживаться такого плана.

Мне повезло. К воротам подъехала белая «Лада». Пока ворота открывались, из машины вышел знакомый полицейский. В том же самом нелепом костюме. Он пошёл прямо на меня. Не узнал. Купил две сосиски в тесте и пирожное «картошка». Вышел из кафе и направился за забор.

Значит, не ошибся. Но мне нужна майор.

Я доел половину пирога с мясом, допил третью чашку кофе и ретировался. Решил немного побродить по округе.

За полицией торчала красно-белая труба котельной, словно маяк. Я пошёл к ней. Вдоль забора припаркованы автомобили, пейзаж индустриальный. Хорошо, что дождь прошёл.

Убивая время, я пытался вытянуть из Чака подробности нашего спасения.

- Ты, то есть я, полз по дну всё время? - сказать, что я продолжал удивляться, - значит ничего не сказать.

"Нет. Я использовал течения, но сначала - да. После переработки, - меня передёрнуло, - удалось развить достаточную скорость, чтобы выйти в русло большой реки". Чак уже понял, что обсыпать меня научными терминами бесполезно, и общался на доступном мне языке.

- Чак, а что значит "переработка"? - я догадывался и сам, но нужно было знать точно, иначе это будет мучить меня вечно.

"Я, - он сделал паузу, словно засомневался, говорить ли дальше, - мы их растворили, Сергей, и впитали".

Фантазия о зубастых пастях на ладонях была не так уж далека от истины.

- Заживо? - у меня на загривке зашевелились волосы.

"Нет, было бы много суеты, - рационально ответил он, - сначала я им ввёл токсин, мгновенно остановивший электрические импульсы в синоатриальном узле, - он всё же не смог устоять, - прости, это в правом предсердии".

- Ты остановил им сердца?

"Да. Они умерли мгновенно. Несколько объективных секунд".

- Несколько секунд - это не мгновенно! - запротестовал я.

- Нельзя мучить людей!

"Я понял, Сергей, но тогда это был единственный возможный способ".

- И я их впитал?

"Впитал".

Меня затошнило, но, как это в последнее время бывает, - безрезультатно. Дальше разговаривать не хотелось.

Вернулся к зданию полиции я примерно к пяти часам вечера. Всё это время я появлялся где-то на периферии и благодаря возможностям нового зрения пытался высмотреть знакомые лица.

В кафе заходить не рискнул. Пристроился на лавочке во дворе дома возле управления. Отсюда мне была видна парковка у забора, и я надеялся, что успею увидеть её.

Через тридцать четыре минуты (часы - супер).

Я увидел её сразу, только она повернула к парковке из-за угла забора. Уверенная походка, форма, собранные волосы и взгляд. Она подошла к четырёхдверному Mini Cooper, посмотрела по сторонам, остановилась на мгновение на мне - я предусмотрительно делал вид, что что-то ищу в карманах. Села в машину и уехала. Я отметил время.

Поднялся. Пора искать место для ночлега, но перед этим нужно было поесть.

С пакетом, набитым мясным фастфудом, я стоял у чёрного покосившегося дома, прячась в тени кустов, и наблюдал, как двое грязных, пахнущих немывтыми телами и табаком мужчин роются в мусорном баке. Они негромко перего-

варивались, обсуждая найденное. Что-то возвращалось обратно в бак, а что-то перекочёвывало в замызганные рюкзаки. Они ушли, бережно закрыв бак крышкой.

Подождав немного, я тенью проскользнул к парадному входу в дом. Никаких камер, никакого домофона. Старая железная дверь, открытая настежь и подпёртая куском кирпича. За ней была другая дверь, наверное деревянная, но её кто-то предусмотрительно снял с петель, чтобы не украли другие. Скрипучая деревянная лестница с шаткими перилами привела меня на второй этаж. Справа кто-то жил в квартире под номером 3. Слева, судя по краске, нашлась та самая дверь от входа. Она была приоткрыта. Замка не было. Я осторожно вошёл, под ногами шуршали обрывки газет и старых обоев, рисунок на которых выцвел до невнятного пятна. Три комнаты с разбросанным тут и там хламом. Странно, что не нагажено. Осмотрев помещение, я вернулся и закрыл вход на свежий засов. Если тот, кто его установил, сегодня вернётся, то очень удивится. Но я не был расположен его жалеть.

Перекусив, не чувствуя вкуса, я пристроился в дальней комнате в самом тёмном углу.

- Чак, я спать.

"Принял" - не очень любезно отозвался он. А мог бы хоть сказку рассказать. Хотя от его сказок у меня будет бессонница.

Я стоял напротив витрины. В отражении на меня смотрел пятый. Без руки. Он внимательно наблюдал за мной и мол-

чал. Камуфляж на нём был весь в пятнах. Я поднял одну руку - он повторил. Опустил - он тоже. Тогда я поднял другую руку. Он улыбнулся, демонстрируя ровный ряд белых зубов. Поднялся ветер, гоняя вокруг меня обрывки каких-то бумаг, листья. Он смеялся, но я не слышал. Ветер усиливался, закручиваясь в маленькое торнадо, в центре которого находился я. Вдруг он резко утих, и поднятые им предметы, словно чугунные гири, рухнули вокруг. Витрина разбилась внутрь, и из осколков начала формироваться фигура. С той стороны витрины ко мне вышла Маргарита Егоровна с лицом Веры.

- Сергей! - закричала она, и меня накрыло ароматом душицы. - Проснись!

Я открыл глаза. В коридоре что-то шуршало.

"Чак! - мысленно заорал я. - Что происходит?"

Пuls заметно ускорился, я почувствовал кисловатый запах испражнений, тянущийся из коридора.

"Кто-то проник в помещение, - спокойно ответил он, - опасности нет".

В проходе показалась грузная фигура, тяжело припадающая на распухшую левую ногу, обмотанную грязным бинтом, торчащим из-под приподнятой штанины. Он вошёл в комнату, подслеповато обшаривая её взглядом.

- Ну, что там? - Из-за него выглянула облезлая голова на тонкой шее.

Он шумно вдохнул воздух, булькая соплями.

- Кто закрыл-то? - Тощий вылез вперёд и принялся нырять

в каждый угол, подсвечивая себе зажигалкой.

Я сидел, прижавшись к стене, поджав ноги. Ждал, прикрыв глаза. Сквозь грязные, закопчённые стёкла окна не пробивалось ни лучика.

"Чак, без необходимости не убиваем, только пугнём" - я приготовился схватить тощего, следующий угол - мой.

"Как скажешь, - почему-то тихонько ответил он. - Как пугаем?"

"Давай когти, сантиметров пять, и клыки" - мне стало весело.

"Интересный выбор" - и я почувствовал зуд в фалангах пальцев и в деснах. Верхняя губа зашевелилась.

- Валя! - шёпотом позвал товарища, оказавшись возле меня. Огонёк зажигалки погас. Я рывком бесшумно встал на ноги и шагнул к нему вплотную. - Он тут! - Чиркая кремнием, тощий пытался зажечь огонь снова.

Наконец ему это удалось, зажигалка высветила моё лицо. Он повернулся на свет и тихо запищал.

- И-и-и-и... - вырвалось из его лёгких. Глаза принялись вылезать на лоб. Его товарищ ойкнул, отступил назад, запнулся и, падая, стукнулся головой о косяк. Чтобы тощий не упал, я схватил его за горло рукой. Нет. Лапицей с длинными острыми когтями, под которыми тут же проступили капли крови, но мгновенно исчезли, попав на мою кожу.

"Чак, чёрт тебя дерит! - я зарычал. - А если он заразный?!"

"Не имеет значения, - тут же заявил он, - твоя игра неэф-

фективна. Можно было нейтрализовать их с минимумом затрат".

Вот бездушная колония. Как не попробовать-то было?

- Еда сама пришла на стол, - я прошипел только что придуманную фразу тощему и почувствовал, как он тяжелеет, а взгляд начал стекленеть.

Я потряс его так, что голова замоталась в разные стороны, но это помогло, и он пришёл в себя.

- Это мой дом, валите отсюда! - я оттолкнул его на приятеля.

Тощий не устоял и покатился по полу. Однако, несмотря на потрясение, проворно вскочил и принялся помогать второму, который тяжело отдуваясь поднимался с пола.

- Вон! - крикнул я им, поторапливая.

Они выкатились из квартиры, подарив мне зажигалку. Утирая слёзы от смеха, я снова закрыл дверь и отправился в свой угол досыпать.

- Чак, убирай этот апгрейд, - устраиваясь поудобнее, я снова обратился к моему... Моей... К колонии нанороботов.

"Давай оставим? Тебе идёт".

- Ой, не нуди. Я молодой и глупый. Мне можно.

Эта реплика осталась без ответа.

Я проспал до утра без снов. Проснулся от пиликанья будильника. Выспался. Доел остатки, положил с собой одну булочку в карман и покинул своё обиталище, выйдя на свет.

Пересёк парк и оказался в другом районе. Поймал маши-

ну, добрался до управления полиции. Попросил водителя остановиться за пару кварталов у сквера. Сел на лавку. Утро выдалось ясное, будет жара. Скормил хлеб голубям, поглядывая на часы. В десять утра прошёл мимо парковки, отметил, что машина Юлии на месте. Ещё вчера я проверил, но не увидел камер наблюдения, направленных на парковку. Учитывая отсутствие у себя каких-либо навыков по обнаружению видеонаблюдения без огромных табличек и камер, которые могли бы посоревноваться размерами с альбатросом, я всё же понадеялся, что останусь незамеченным. Отметив на часах, что нужно будет вернуться к пяти вечера, я уже хотел пойти гулять и что-нибудь поесть, но нужно было решить одну проблему:

- Мы сможем открыть автомобильный замок с сигнализацией? - у меня, конечно, был план, но он был ещё сыроват, - скажи, что сможем, - взмолился я Чаку.

"Мне нужно проникнуть в электрическую схему автомобиля. Когда я скажу, плюнь на ладонь и размажь слюну по кузову" - Чак снова меня спасал.

- Да ты просто джин какой-то! - я чуть не запрыгал от радости, уже готовый наплевать куда угодно и сколько угодно.

Чак ответил тёплым жёлтым всполохом в сознании.

"Давай", - через пару секунд скомандовал он.

Я собрал всю слюну, какую смог найти, и аккуратно выплюнул её на ладонь. Проходя мимо машины, будто случайно покачнулся и провёл рукой по кузову.

"Готово, - сообщил Чак, - я устанавливаю связь", - и через пару секунд, - "сделано. Откроется, когда будет тебе нужно. Но только не затягивай. Не больше восьми часов. Вне органической оболочки мы умираем".

Я пообещал ему, что времени достаточно, и ушёл подальше, чтобы не привлекать внимание. А ещё нужен был спортивный магазин. Я захотел прикупить себе капу попрочнее.

Вернувшись к парковке ровно в пять часов вечера, я подошёл к машине майора и мысленно приказал открыться. Сигнализация не сработала, но характерный щелчок центрального замка объявил, что двери разблокированы. Мысленно бурча все известные мне молитвы, я потянул за ручку задней двери, и она открылась. Я скользнул на сиденье и захлопнул дверь. Попросил Чака закрыть и сделать так, словно ничего не произошло. Задняя полусфера салона была затонирована "в ноль" - это мне и было нужно. Теперь нужно было выполнить следующий этап плана.

- Чак, - позвал я своего мучителя, - верни мне моё настоящее тело... - я ожидал волну боли каждую секунду, - и знаешь... верни мне шрамы.

"Шрамы?" - не понял он.

- От пуль, Чак, - я прокрутил в памяти сцены с попаданием в меня пуль. Их было две. Пока что. - В руку и спину. Хочу, чтобы они остались.

"Эх..." - я почувствовал, как он расстроился такой растрате ресурсов. А потом пришла боль.

Машина отозвалась на сигнал брелока приветственной полифонией из двух звуков, и двери разблокировались. Водительская дверь открылась. В кресло села женщина с распущенными волосами, в гражданском платье. На лице макияж. На ногтях маникюр.

Сначала я подумал, что жестоко ошибся, но эта родинка и эти глаза... Это была Юлия, следователь в звании майора полиции. Машина тронулась с места, выехала на дорогу. Повернула налево в сторону перекрёстка. Я решил, что дальше прятаться бессмысленно.

- Здравствуйте, Юлия. Как поживаете?

Визг тормозов заставил меня упереться в сиденье, чтобы не расквасить нос.

Мы стояли на перекрёстке и смотрели друг на друга в зеркало заднего вида.

- Давайте немного прокатимся? Нам есть о чём поговорить.

Она пару секунд не сводила с меня глаз. Я уже решил, что Чак что-то напортачил и я это опять не я, но затем она кивнула и плавно подала газ.

- У вас, наверное, куча вопросов? Я отвечу. Но сначала ответьте на мои, - я положил ей руку на плечо, она слегка вздрогнула, но не отстранилась. Предстоял интересный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.